

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЛУГАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ВЛАДИМИРА ДАЛЯ»**

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

Сборник научных трудов

№ 3 (3) 2025

**Луганск
2025**

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ: Сборник научных трудов
Выпуск № 3(3) 2025

Основан в 2025 году

Выходит 4 раза в год

Учредитель **ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля»**

Редакционная коллегия:

Мазур Оксана Геннадиевна, д-р полит.н., доцент (**главный редактор**)

Агапова Елена Анатольевна, д-р филос.н., доцент.

Вартумян Арушан Арушанович, д-р полит.н., профессор.

Казаков Александр Александрович, д-р полит.н., доцент.

Косов Геннадий Владимирович, д-р полит.н., профессор.

Панкратов Сергей Анатольевич, д-р полит.н., профессор.

Поцелуев Сергей Петрович, д-р полит.н., профессор.

Проскурина Елена Александровна, д-р полит.н., профессор

Проценко Александр Валерьевич, к-т полит.н., доцент.

Шепелев Максимилиан Альбертович, д-р полит.н., профессор, действительный член
Крымской академии наук.

Щедрова Галина Петровна, д-р полит.н., профессор.

П503 **Политологические записки: сборник научных трудов.**
№ 3 (3) 2025. – Луганск: Изд-во ЛГУ им. В. Даля, 2025. – 128 с.

В сборнике публикуются материалы в области политических наук, где освещаются наиболее актуальные проблемы современного развития политических институтов и процессов в контексте мирового и отечественного опыта модернизации политической системы, политической культуры и идеологии.

Рекомендовано к печати Ученым советом Луганского государственного университета имени Владимира Даля (протокол № 5 от 19 декабря 2025 г.).

Статьи прорецензированы членами редакционной коллегии.

© Авторы, 2025

© ФГБОУ ВО «ЛГУ им. В. Даля», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Поцелуев С.П.	4
СИСТЕМА ОРГАНИЗОВАННОЙ ЛЖИ КАК ФАКТОР ЭСКАЛАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА (К АКТУАЛЬНЫМ АСПЕКТАМ «ИСТИНЫ И ПОЛИТИКИ» Х. АРЕНДТ)	
Мазур О.Г., Макарова Е.И.	14
ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ДЕТЕРМИНАНТА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА	
Апанашенко О.В.	33
СТРАТЕГИЯ ВЕДЕНИЯ АККАУНТОВ ВЛИЯТЕЛЬНЫХ ЖЕНЩИН РОССИИ В СФЕРЕ ПОЛИТИКИ (НА ПРИМЕРЕ ТЕЛЕГРАММ КАНАЛОВ)	
Звонок Н.С., Мазур О.Г.	44
ЦЕРКОВНАЯ ПОЛИТИКА ВЛАСТЕЙ НА УКРАИНЕ КАК ВОЙНА ПРОТИВ СОБСТВЕННОГО НАРОДА	
Лустенко А.Ю.	61
СОЦИАЛЬНО-УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СРЕДНЕВЕКОВОГО РУССКОГО СОЦИУМА	
Новиков А.А.	87
ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКИЙ РЕГИОН КАК ПОЛЕ БОЛЬШОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИГРЫ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ И СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ	
Попова Т.С.	100
ТИПОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА	
Проценко А.В.	116
ФЕНОМЕН «HISTOTAİNMENT» В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ: РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ	

УДК 323.22: [130.2]

Поцелуев С. П.

**СИСТЕМА ОРГАНИЗОВАННОЙ ЛЖИ КАК ФАКТОР
ЭСКАЛАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА
(К АКТУАЛЬНЫМ АСПЕКТАМ «ИСТИНЫ
И ПОЛИТИКИ» Х. АРЕНДТ)**

С опорой на известную работу Х. Арентд «Истина и политика» автор статьи рассматривает феномен организованной лжи как существенный феномен медийного дискурса вокруг современных политических конфликтов. Особое внимание уделяется роли современных массмедиа в распространении дезинформации и манипулировании общественным мнением. На примере обсуждения украинского кризиса 2014-2015 гг. в политическом ток-шоу «Maybrit Illner» на германском общественно-правовом телеканале ZDF автор акцентирует как проявления организованной лжи, так и условия «режима правды» в медийном освещении политических конфликтов.

Ключевые слова: *Х. Арентд, организованная ложь, псевдофакты, ZDF, Майбриг Илльнер, украинский кризис, информационная война, режим правды.*

Актуальность темы обусловлена беспрецедентным распространением дезинформации в современном информационном пространстве. Эпоха «постправды» характеризуется размыванием границ между фактами и вымыслом, где эмоциональная привлекательность и идеологическая ангажированность зачастую превалируют над объективной реальностью.

В контексте нынешней информационной войны вокруг событий

на Украине при просмотре новостных программ или каналов вроде BBC или Deutsche Welle может не без основания возникать впечатление, что западное общественное мнение формирует себе совершенно превратное представление о происходящем в России и на Украине. И хотя ситуация с медийном освещением конфликтов в реальности всегда сложнее и тоньше, чем кажется на первый взгляд, здесь в любом случае велика роль организованной лжи, целенаправленно распространяемой с целью манипулирования общественным мнением и эскалации политических конфликтов.

В качестве **объекта** исследования автор выбрал дискурс политического ток-шоу «Maybrit Illner» на германском общественно-правовом телеканале ZDF.

Предметом исследования выступает феномен «организованной лжи» (Х. Арндт) в медийном дискурсе вокруг политических конфликтов.

Цель исследования – оценка манипулятивной роли организованной лжи в медийном дискурсе вокруг политического кризиса на Украине в период 2014-2015 гг.

Результаты исследования. Прежде чем говорить о роли СМИ в современных политических конфликтах, надо разобраться, какой статус вообще имеет истина в современной публичной политике и в чем отличие этого статуса, скажем, от политики в древних Афинах и Риме? Ключевыми здесь являются некоторые понятийные дистинкции, формулируемые выдающимся политическим философом XX века Х. Арндт в её известной работе «Истина и политика».

Во-первых, речь идет о различии между «истиной разума» и «истиной факта» – особенно важное, по мнению Х. Арндт, для политической сферы. Далее идет различие между древностью, где главную роль играла противоположность истины разума и мнения, и современностью, где главную роль играет противоположность

между истиной факта и ложью. С ложью связана ещё одна дистинкция: с одной стороны, «частный лжец, пытающийся счастья на свой страх и риск», а с другой – «организованная ложь, захватывающая публичную сферу» [1]. И если наглая ложь, выражающаяся в отрицании очевидных фактов, есть обычный феномен повседневного общения во все времена и у всех народов, то система организованной публичной лжи – это, по убеждению Х. Аренд, есть феномен специфически современный.

Система такой организованной массовой лжи выступает в современных медиа в самых разных формах, но особенно часто – в форме организованной манипуляции с фактами, причем не с какими-то «тайными» фактами, а с теми, что известны практически каждому человеку. Х. Арендт называет такую манипуляцию «безоговорочным и потенциально необратимым ущербом, неведомым в прежние времена» [1, С. 376-377]. При этом на помощь призывается прежде всего историческая наука, дабы придать флер объективности самым фантастическим измышлениям. Но, по мнению немецко-американского философа, историческая наука ни в коем случае не дает основания для ликвидации различий между фактом, мнением и интерпретацией. Арендт иллюстрирует этот тезис анекдотом, который, впрочем, в наши дни звучит не очень убедительно. Речь идёт о вопросе, с которым обратился к французскому премьер-министру Ж.Б. Клемансо представитель Веймарской республики: что в будущем будут думать историки о спорном тогда вопросе военных долгов? На это Клемансо ответил: «Я не знаю, но одно ясно: они не скажут, что это Бельгия напала на Германию» [2]. И Арендт добавляет: чтобы отрицать такие очевидные факты, одного вмешательства историков мало, надо иметь властную монополию над всем цивилизованным миром.

Сегодня очевидно, что возможность такой монополии становится в «однополярном мире» вполне реальной. На примере

современной информационной войны вокруг событий на Донбассе и в Сирии мы видели, что как глобальные, так и национальные mass media (включая даже общественно-правовые каналы вроде германских ARD и ZDF) не могут служить надежным препятствием для распространения организованной лжи. Когда есть четкий внешнеполитический заказ и соответствующий внутривнутриполитический консенсус, тогда распространению черной лжи не препятствует даже независимый (демократический) статус медийных каналов. Этот статус (если он вообще соответствует действительности) может в лучшем случае проявиться только post factum, когда организованная ложь уже успеет «пустить корни» в мозгах многомиллионной аудитории.

В системе организованной лжи смысл очевидных исторических фактов не просто меняется – он обращается на противоположный. Это пресловутый прием «на самом деле ...»: *на самом деле* Освенцим освобождали украинцы, а не русские; *на самом деле* Гитлер не нападал на Россию, а защищался превентивным ударом от нападения со стороны Сталина; *на самом деле* в атомной бомбардировке Хиросимы виноват Сталин, потому что эта бомбардировка призвана была повлиять на его намерение захватить крупный японский остров Хоккайдо. Возможно, российский публицист Н. А. Сологубовский был не так уж далек от истины, ссылаясь в одной из своих заметок на печально-остроумный прогноз, что со временем часть японской молодежи будет считать, что в 1945 году атомные бомбы на японские города сбросила Россия, чтобы захватить «Северные территории» [3].

Примеры организованной лжи в рамках информационной войны можно привести не только из украино- или русскоязычного медийного пространства – их предостаточно и в западных СМИ. Причем речь идет не о каких-то малоизвестных маргинальных изданиях, телеканалах или интернет-сайтах, но о вполне

респектабельных медиа. Возьмем в качестве примера обсуждение украинского кризиса 2014-2015 гг. в политическом ток-шоу «Maybrit Illner» на германском общественно-правовом телеканале ZDF. Даже в пространстве этого телеканала мы слышим массу «псевдофактов», которые Х. Арендт в своей «Истине и политике» назвала «откровенными не-фактами», используемыми в публичной политике даже уважаемыми деятелями (как в свое время – де Голлем и Аденауэром) [1, с. 373].

В дискурсе «Майбри Илльнер» аналогичный псевдофакт высказывает тоже респектабельное лицо – Председатель Европарламента Мартин Шульц. Он утверждает, не дожидаясь итогов официального расследования, что люди, пытающиеся «разрушить территориальную целостность Украины, при помощи ракет доставляют с неба на землю голландский лайнер» («Майбри Илльнер» от 04.09.2014). Крайне циничный псевдофакт высказывает в одном из выпусков «Майбри Илльнер» («Maybrit Illner» от 07.05.14) Констанца Штельценмюллер, немецкий политолог из американского мозгового центра «Brookings Institution» в Вашингтоне: «Освобождены (в 1945 году – С.П.) мы были французами, британцами, американцами, но не русскими». Клаус Бринкбоймер, главный редактор журнала «Шпигель», без обиняков заявляет: «Россия не относится к Европе. Это – очевидность, не требующая доказательств» («Maybrit Illner» от 07.05.14). И генсек НАТО Йенс Столтенберг невозмутимо констатирует: «Впервые после окончания Второй мировой войны одно государство (подразумевается РФ – С.П.) урвало у другого часть территории, причем насильственно» («Maybrit Illner» от 05.02.2015) и др.

О причинах, побудивших руководство России принять известные решения по Крыму и Донбассу, а именно, прозападный (пронатовский) госпереворот в Киеве, осуществленный при участии правых радикалов и создавший реальную угрозу гражданской войны

на Украине, а тем самым – и национальной безопасности России и т.д., – обо всем этом участники упомянутого ток-шоу (политические функционеры и работники пронатовских «мозговых центров») предпочитают не упоминать. Зато об этом рассуждают другие собеседники Майбрит Илльнер, обнаруживая политический потенциал «истины факта» в рамках ее грамотно организованного ток-шоу. Так, Якоб Аугштайн – немецкий издатель, телеведущий и обозреватель многих известных немецких газет и журналов – прямо говорит в передаче от 06.03.2014: жители Крыма проголосовали за то, чтобы опять стать россиянами, и это надо уважать, особенно немцам, которые в свое время не без помощи России смогли воссоединиться в 1990 году. «Ведь если мы позволили косовским албанцам отколоться от их материнской страны (Сербии), тогда и Крыму этого не следует запрещать. Я понимаю, что с точки зрения международного права нет права на сецессию, но политически обосновать отсутствие такого права тоже невозможно ...».

Конечно, далеко не все участники политического ток-шоу могут в эфире резать правду-матку. Как правило, это делают только те, кто не относится к партийным (государственным) функционерам: политические ветераны, которым уже нечего терять; политики, традиционно симпатизирующие России; наконец, журналисты и эссеисты, занимающие независимую от государства позицию. Они недвусмысленно констатируют наличие в западных СМИ системы организованной лжи.

В одном из выпусков «Майбрит Илльнер» (от 06.03.2014) об этом ярко высказался Маттиас Платцек, известный немецкий политик, бывший премьер-министр Бранденбурга и председатель Германско-Российского форума: «В последние месяцы ... мы имеем в Германии такое мейнстримовское освещение событий, которое мне напоминает времена ГДР с её главной газетой «Neues Deutschland» и

главным ее вопросом: ты за мир или против мира? Нечто схожее я наблюдаю в нынешнем медийном освещении украинской темы. ... Путин предложил выстроить общую архитектуру безопасности, а Запад в ответ соорудил систему противоракетной обороны, направленную против России. В газете «Welt am Sonntag» можно было на днях прочитать, что тот, кто называет себя «другом Путина», кто хочет понять Путина, понять Россию, – тот «русский шпион». Я считаю, что понять позицию России – это и есть разумная стратегия».

Истины не являются абсолютно прозрачными и стройными по своей природе; таковыми бывают только фейки организованной лжи. Именно пропагандистским фикциям, – как замечает Х. Арендт, «свойственно то, что в них все отдельные сведения ясно упорядочены, а каждый факт полностью объяснен» [2, р. 362]. Если для участника политического ток-шоу все ясно и однозначно – это верный признак того, что он либо лжет, либо сам является жертвой лжи. У генсека НАТО Йенса Столтенберга всё тоже выглядит предельно логично, когда он пытается оправдать политикой «агрессивной России» военные приготовления самого западного альянса: «Мы реагируем на агрессивные акции, которые мы видим со стороны России, нарушающей международное право. То, что мы делаем – это оборона» («Maybrit Illner» от 05.02.2015). При этом Столтенберг полностью абстрагируется от таких фактов, как вторжение членов альянса без санкции ООН в Югославию, Ирак, Ливию и Сирию, признание независимости Косово в обход Белграда и прочие нарушения западными странами международного права, случившиеся еще задолго до актуального конфликта на Украине.

В системе организованной лжи, как она представлена в ходе современной информационной войны, социальный статус истин разума и факта принципиально меняется. Они выходят за рамки собственно академического дискурса и становятся политикой.

Классически ясно об этом говорит Х. Арендт: «Там, где лгут принципиально, а не только время от времени, там человек, просто высказывающий то, что есть, уже начинает действовать политически, даже если он вообще не имел такого намерения. В мире, где с фактами обращаются как угодно, уже простая констатация факта есть угроза власти имущим» [2, с. 354].

Выводы. Анализ современных политических конфликтов сквозь призму концепции Х. Арендт позволяет выявить роль организованной публичной лжи в медийном освещении современных политических конфликтов. Эта ложь как специфически современный феномен действует через систему псевдофактов и не-фактов, что предполагает, с одной стороны, отрицание очевидных фактов, а с другой – конструирование фактов несуществующих. Эта дискурсивная практика распространяется потому, что она отвечает интересам могущественных игроков мировой политики и опирается на внутривнутриполитические консенсусы относительно ключевых вопросов политической повестки дня.

В условиях, когда правду нельзя сказать напрямую, когда господствует идеологическо-пропагандистский дискурс, а за все отклонения от него нужно «нести персональную ответственность», на помощь приходит диалог как форма коллективного поиска истины. Как показывает анализ дискурса токшоу «Майбрит Илльнер» (ZDF) в аспекте украинского кризиса 2014/15 гг., в современных массмедиа у диалога есть шанс реализоваться в таком жанре, как политическое ток-шоу. Но это предполагает ослабление как минимум двух противодействующих там «режиму правды» факторов.

Во-первых, это межпартийная борьба и засилье эристических стратегий в ущерб диалогическим, что может привести к коммуникативной победе за счет софистики и демагогии, в ущерб истине. Задача модератора ток-шоу состоит в этой связи – не просто

дать высказаться всем сторонам конфликта, но высказаться так, чтобы у зрителя не сформировалась одностороннего видения ситуации.

Во-вторых, это пропагандистский консенсус, формируемый всем медиапространством, а не только каналами общественно-правового телевидения. Представители этого консенсуса присутствуют на ток-шоу в виде партийных и государственных деятелей, военных, руководителей мозговых центров (как правило, тесно связанных с разведкой) и так называемых «простых людей». И задача ток-шоу, прежде всего его модератора (автора), состоит в том, чтобы организовать этому идейный, дискурсивный противовес ради «режима правды».

Без такого противодействия система организованной лжи систематически подрывает основы рациональной политической коммуникации и становится одним из ключевых инструментов эскалации политических конфликтов.

Список литературы

1. Арендт Х. Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли / пер. с англ. и нем. Д. Аронсона. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. – С. 343.
2. Arendt H. Zwischen Vergangenheit und Zukunft. Übungen im politischen Denken I / ungekürzte Taschenbuchausgabe. München: Piper, 2012. p.339.
3. Сологубовский Н. Мы еще отомстим русским за Хиросиму! // Проза.ру. 2014. – Режим доступа: <https://proza.ru/2014/08/06/684?ysclid=l6ngrsnlr0729406982>

Поцелуев Сергей Петрович – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии Южного федерального университета г. Ростов-на-Дону.

E-mail: spotselu@mail.ru

Potseluev S. P.

THE SYSTEM OF ORGANIZED LIES AS A FACTOR OF ESCALATION OF POLITICAL CONFLICT (TO THE RELEVANT ASPECTS OF "TRUTH AND POLITICS" BY H. ARENDT)

Based on the famous work of H. Arendt "Truth and Politics", the author of the article examines the phenomenon of organized lies as an essential phenomenon of media discourse around modern political conflicts. Attention is paid to the role of modern mass media in the spread of misinformation and manipulation of public opinion. Using the example of a discussion of the Ukrainian crisis of 2014-2015 in the political talk show "Maybrit Illner" on the German TV-channel ZDF, the author emphasizes both manifestations of organized lies and the conditions of the "regime of truth" in media coverage of political conflicts.

Key words: *H. Arendt, organized lies, pseudo-facts, ZDF, Majbrit Illner, Ukrainian crisis, information war, regime of truth*

Potseluev Sergey Petrovich *is a Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Department of Theoretical and Applied Political Science at the Southern Federal University in Rostov-on-Don.*

E-mail: *spotselu@mail.ru*

Статья поступила в редакцию 07.07.2025

УДК 004; 304.5

Мазур О. Г., Макарова Е. И.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ДЕТЕРМИНАНТА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

В статье анализируются различные аспекты влияния процесса цифровой трансформации на достижение современными государствами целей устойчивого развития. Осуществлен ретроспективный анализ возникновения проблематики устойчивого развития. Цифровизация рассматривается как одна из приоритетных стратегических задач и общенациональных приоритетов в рамках стратегии устойчивого развития. Подчеркивается, что двумя основными приоритетами при реализации цифровой трансформации практически всегда является обеспечение связанных с развитием цифровой экономики международных конкурентных преимуществ государства и оптимизация внутреннего развития. В контексте государственных приоритетов проанализированы позитивные и негативные тренды, наблюдаемые в процессе внедрения цифровых и коммуникационных технологий в экономической и социально-политической сферах. Отмечается влияние культурно-национальных и региональных факторов на внедрение и использование диджитал-технологий в жизнедеятельности современных государств. Изучены факторы перспективного развития государств под влиянием процесса цифровизации бизнес-процессов. Отмечается, что осуществление человечеством очередного качественного технологического скачка порождает и не предусмотренные, или скорее, не прогнозированные тренды цифровой трансформации. Автором предложен авторский взгляд на негативные последствия применения цифровых решений в социально-политических практиках, таких как осуществление правосудия, вынесение государственно и общественно важных решений и т.д.

Ключевые слова: концепция, государство, устойчивое развитие, информационные технологии, цифровые решения, трансформация. Интернет.

Актуальность темы. Диалектика социально-политического развития проявляется в преобладании тех или иных основных эволюционных противоречий. В этом контексте детерминантами развития человечества в первой половине 21 века становятся гуманизация общественно-политических решений и повсеместное распространение цифровых технологий. Поиск возможностей для равновесного взаимодействия государственных структур и гражданского общества, баланса в экономическом, экологическом и социальном развитии актуализирует необходимость перехода мирового сообщества к формуле устойчивого развития.

Учитывая вышесказанное **целью статьи** мы видим оценку определяющего воздействия внедрения цифровых технологий в жизнедеятельность современных государств в условиях перехода к формуле устойчивого развития.

В качестве **объекта** исследования авторами определен процесс устойчивого развития в государственнообразующем контексте.

Предметом исследования выступает динамика развития и реализации цифровых решений в общественно-значимых сферах.

Степень научной разработанности. Как известно, концепция устойчивого развития предполагает гармоничную реализацию экономического роста, социальной ответственности и экологического баланса. Сложность категории устойчивого развития заключается в том, что помимо перечисленных составляющих, она предполагает наличие правового, политического и духовного элементов, поскольку без нормативно-правового регулирования процессом устойчивого развития, без политических программ и

направлений, без сознательного восприятия действительности становится невозможным и само устойчивое развитие.

Проблематика устойчивого развития стала востребованным исследовательским направлением благодаря организованной в 1968 г. международной неправительственной общественной организации, получившей впоследствии название «Римский клуб». Эта организация стала основателем теоретико-прикладной дискуссионной площадки в сфере решения глобальных проблем развития человечества. Предпринятая членами Римского клуба попытка организации поиска новационных технологий и рациональных моделей будущего привлекла внимание ведущих ученых и экспертов различных исследовательских направлений.

Актуализированная, благодаря «Римскому клубу», проблематика рационального использования природных ресурсов, стала основополагающим тезисом в разработанной Международным комитетом по окружающей среде и развитию концепции устойчивого развития. По определению комитета, устойчивое развитие представляет собой тип социально-экономического развития, позволяющий удовлетворить потребности существующего поколения без угрозы для будущих поколений в удовлетворении своих интересов. К главным условиям устойчивого развития относят:

- 1) приоритетность качественных показателей перед количественными;
- 2) сохранение культурного и биологического разнообразия;
- 3) согласование природопользования с особенностями эволюции экосистем.

Несомненно, устойчивое развитие предполагает изменение мировоззрения общества на устои своего существования, в том числе на взаимоотношения с окружающей средой и взаимоотношения между людьми.

Достижение целей устойчивого развития, определённых «Повесткой дня в области устойчивого развития» ООН обусловлено использованием новейших технологий в области передачи, хранения и аккумулирования данных. Именно поэтому, цифровая трансформация определяется большинством стран современного мира одним из стратегических приоритетов в реализации национальных интересов. Современные политические и технологические процессы непродуктивно рассматривать вне фокуса глобальных изменений и повсеместного применения цифровых технологий. Как справедливо отмечает доктор юридических наук, профессор М. Н. Марченко, «данные процессы..., равно как и их последствия, вызывают далеко не однозначную реакцию и соответственно оценку их характера воздействия на государство и право». По мнению профессора, «это отнюдь не односторонний, а двухсторонний процесс» [7, с.3].

Результаты исследования. Бесспорным является тот факт, что процесс цифровой трансформации общества динамично прогрессирует, поскольку новые цифровые технологии позволяют собирать, использовать и анализировать огромные объемы цифровых данных практически. Согласно «теории поколений» Уильяма Штрауса и Нила Хоува, поколение Z, идущее нам на смену, будет первым полностью «цифровым», то есть таким, которое свободно использует виртуал [15].

Красноречивым подтверждением актуальности цифровизации для мирового сообщества стало обсуждение в повестке дня группы G20 на саммите в Анталии вопросов цифровой экономики в 2015 г., когда было признано, что мы живем в эпоху экономики Интернета, которая открывает как новые возможности, так и новые вызовы для глобального роста.

Цифровизация – одна из определяющих тенденций развития человеческой цивилизации, которая формирует более инклюзивное

общество и лучшие механизмы управления, расширяет доступ к здравоохранению, образованию и банковскому делу, повышает качество и охват государственных услуг, расширяет способ сотрудничества людей, а также позволяет воспользоваться большим разнообразием товаров по более низким ценам. Пандемия Covid-19 доказала важность и потребность цифровых технологий в благосостоянии населения и развитии экономик.

В качестве положительных эффектов цифровой трансформации во всех сферах общественной жизнедеятельности можно выделить:

- упрощение финансовых операций, повышение роли электронных и цифровых денег;
- развитие возможностей дистанционной работы;
- внедрение электронного документооборота;
- более открытый и доступный рынок;
- повышение уровня производства;
- снижение себестоимости товаров и услуг;
- снижение уровня бюрократии;
- увеличение каналов распространения информации;
- расширение аудитории и участников социально-политических, гражданских акций.

В том числе в социально-политической сфере такими положительными трендами, на наш взгляд, могут стать:

- упрощение процесса получения государственных услуг;
- расширение коммуникационных возможностей;
- количественное расширение аудитории, получающей образовательные услуги за счет технологий дистанционного образования;
- расширение возможностей трудоустройства граждан с ограниченными возможностями путем организации трудовой деятельности в социальных сетях или посредством Интернет;
- внедрение цифровых решений в области саморазвития;

расширение каналов политического участия;
использование новационных технологий формирования гражданской, политической и культурной идентичности;
создание виртуальных дискуссионных социально-политических площадок;
формирование медиативных практик согласования и разрешения конфликтов в цифровом пространстве и т.д.

Внедрение информационно-коммуникационных технологий и развитие элементов цифрового общества рассматривается в большинстве стран современного мира как одна из приоритетных стратегических задач и общенациональных приоритетов. Цифровые технологии, а также связанная с ними общественная и человеческая деятельность образуют цифровую сферу современного социума, от которой в нынешних условиях определяющим образом зависит его экономический и инновационный потенциал, социальный прогресс, эффективность управления, осуществления демократических процедур, образование, уровень человеческого развития, национальная безопасность и обороноспособность и многое другое.

Наличие так называемого цифрового разрыва, когда темпы роста производства товаров и услуг с использованием информационно-коммуникационных технологий остаются низкими, может привести к множеству негативных последствий. И наоборот, динамичное, устойчивое развитие цифровой сферы, посредством цифровизации и цифровой трансформации является фундаментальным основанием повышения конкурентоспособности страны и её экономического роста. Эффективная цифровизация позволяет оптимизировать бизнес-процессы, улучшить доступ к информации, автоматизировать рутинные задачи и, в конечном итоге, повысить продуктивность. Это способствует привлечению инвестиций, созданию новых рабочих мест и развитию инновационных технологий.

Цифровая трансформация также открывает новые возможности в различных секторах экономики: от здравоохранения и образования до сельского хозяйства и промышленности. Разработка и внедрение цифровых платформ, использование больших данных и искусственного интеллекта могут стать катализаторами для появления новых услуг и продуктов, что в свою очередь усилит конкурентоспособность страны на международной арене.

Кроме того, устойчивое развитие цифровой сферы способствует улучшению качества жизни граждан, обеспечивая доступ к современным услугам и технологиям, что создает дополнительную ценность для общества в целом. Важно, чтобы государства создавали соответствующую регуляторную среду и поддерживали инициативы, способствующие развитию цифровой экономики и интеграции современных технологий в повседневную жизнь.

Безусловно, двумя основными приоритетами практически всегда является обеспечение связанных с развитием цифровой экономики международных конкурентных преимуществ государства и оптимизация внутреннего развития. Обеспечение международных конкурентных преимуществ связано с созданием благоприятных условий для инноваций, привлечением иностранных инвестиций и развитием высококвалифицированной рабочей силы. Для этого страны должны активно внедрять передовые технологии, развивать стартап-экосистемы и поддерживать научные исследования в области цифровых технологий.

Оптимизация внутреннего развития подразумевает улучшение эффективности существующих бизнес-процессов, повышение производительности труда и улучшение качества жизни граждан. Это включает в себя внедрение цифровых решений в государственное управление, образование, здравоохранение и другие ключевые сферы, что позволяет значительно сократить затраты и повысить доступность и качество услуг.

Таким образом, синергия этих двух приоритетов создает гармоничное развитие цифровой экономики, что в свою очередь способствует устойчивому экономическому росту и повышению уровня благосостояния населения. Комплексный подход к реализации этих задач позволит странам не только адаптироваться к быстро меняющимся глобальным условиям, но и занять конкурентные позиции на международной арене.

Несмотря на общепризнанные в мировом сообществе цели устойчивого развития, экспертные исследования в области реализации стратегий цифровой трансформации дают возможность говорить о значительной вариативности в концептуальных подходах, приоритетах, механизмах и путях их реализации. Основными факторами, влияющими на эффективность указанных процессов практически все специалисты называют культурно-цивилизационную среду и региональное положение государства. Указанный факт дает возможность говорить об отсутствии на сегодняшний день универсальных моделей управления государством посредством механизмов цифровой трансформации, поскольку определяющее значение в данном процессе играет сложившаяся институциональная среда [9, с. 121].

Новеллизация самых современных процессов в ведущих странах позволяет определить формирование национальных моделей цифровой экономики: «Индустрия 4.0» – в Германии; «промышленный интернет» – в США; «всепроникающее общество» (ubiquitous society) – в Японии [12, с. 13]. Ключевым условием цифровизации национального хозяйства является формирование внутреннего спроса на цифровые технологии и использование их гражданами, бизнесом, отраслями экономики и, что самое важное, государством.

Не смотря на то, что сегодня цифровые технологии внедряются как часть бизнес-процессов, их повсеместное использование

отражается на всех сферах жизнедеятельности общества и государства. Наиболее значимыми в этом случае факторами, на наш взгляд, являются следующие:

благодаря цифровым технологиям сокращается стоимость продукта, а в сочетании с имеющимися облачными услугами снижаются капиталовложения, необходимые для начала бизнеса;

цифровые технологии способствуют уменьшению издержек, увеличивают производительность и эффективность принятия решений;

постоянное снижение цены цифровых технологий делает их доступными благодаря бесплатному контенту и услугам;

цифровые технологии могут использоваться для создания уникальных продуктов, полностью адаптированных к предпочтениям клиента.

Новейшей константой является зависимость качества и объема товаров и услуг от количества и качества используемых информационно-коммуникационных технологий, как на уровне производства, так и на уровне государства в целом.

Таким образом, динамичное, устойчивое развитие цифровой сферы, посредством цифровизации и цифровой трансформации является фундаментальным основанием повышения конкурентоспособности страны на международной арене и качества жизни ее граждан, достигаемого во многом за счет роста разнообразия и объемов оказания им как традиционных, так и новых услуг, с использованием современных цифровых технологий.

Последовательная эволюция технологий в мире создает новые производственные инструменты и возможности для разных экономических агентов. Новые экономические уклады возникают вследствие т.н. «промышленных революций». Как отмечали К.Маркс и Ф.Энгельс, «Экономические эпохи отличаются не тем,

что производится, а тем, как производится, какими средствами труда» [6, с. 191].

Внедрение новейших цифровых решений в жизнедеятельность современного социума способствует становлению гиг-экономики, в условиях которой интенсивное развитие получают новационные бизнес-практики фрилансерства, краудфандинга, краудинвестинга, краудсорсинга, краудкастинга, краудлендинга и др. [2, с. 8].

Актуализация процесса цифровой трансформации современных государств и осознание необходимости перспективных стратегий дальнейшего развития национальных экономик и социально-политических систем в контексте концепции устойчивого развития привели к появлению различного рода технологий и инструментов для измерения уровня эффективности указанных процессов.

Так, Департаментом ООН по экономическим и социальным вопросам в 2001-2024 гг. было проведено исследование электронного правительства, в ходе которого был оценен уровень развития электронного правительства в 193 государствах-членах ООН. Целью данного исследования является содействие глобальному достижению Повестки дня в области устойчивого развития до 2030 года и концепции, согласно которой никто не должен быть оставлен позади и исключен из цифровой эпохи.

А в 2015 году впервые был рассчитан Digital Economy and Society Index (DESI) с целью выявления направлений приоритетных инвестиций в создании цифрового рынка и содействия странам ЕС в улучшении цифровой производительности [10]. Он состоит из пяти субиндексов, которые измеряют развитие: 1- инфраструктуры возможности подключения к широкополосному интернету; 2 - ультраструктуры развития человеческого капитала; 3 - использования интернета; 4 - интегрированности цифровых технологий в бизнес; 5 - охвата цифровыми технологиями публичного сектора.

Безусловное принятие современными государствами и правительствами необходимости внедрения и использования цифровых новаций и технологий для достижения целей устойчивого развития повлекло за собой практически бескомпромиссное отождествление диджитал-решений с позитивными и потенциально эффективными изменениями. Фактом является то, что положительные аспекты цифровой трансформации более очевидны. Расширение человеческих возможностей за счет новейших цифровых технологий породило некую эйфорию и устойчивую уверенность в полезности, необходимости и прогрессивности цифровизации.

Как отмечает в своей статье главный редактор журнала «Власть» Лапшин А.О. «Глобализация и цифровое общество: заметки на полях», цифровая революция является вектором и силой радикальных глобальных изменений в XXI веке [5]. Однако, как и при появлении любой новой комплексной технологической волны, влияние цифровизации на общество неоднозначно.

В этом смысле не случайно цифровые технологии характеризуются как «подрывные» (disruptive). Согласно статистике ООН, в последние двадцать лет наблюдается устойчивая тенденция сокращения средних по мировой экономике темпов роста производительности труда, а совокупный эффект от использования цифровых дивидендов оказался слабее ожидаемого. На практике только 15% проектов по цифровизации предприятий оказались успешными [14].

К тому же положительный эффект от внедрения цифровой экономики распределяется неравномерно. Исследования Всемирного банка показывают, что не все получают при распространении интернета равные выгоды. Так, наблюдается рост неравенства, как между странами, так и среди групп населения внутри страны. В зависимости от выбора механизмов внедрения

цифровой трансформации, для одних это прогресс, для других - опасные тенденции. По данным всемирного ресурса Internet World Stats существует разрыв между европейскими странами. Так пользователей сети Интернет в Норвегии 98,4%, тогда как в Сан-Марино всего 60,2% [16]. Различия между развитыми странами и развивающимися странами еще более существенны. Хотя наиболее быстрыми темпами увеличивается количество пользователей интернета в странах Азии и Африки. Так, если с 2000 по 2020 гг. в Северной Америке рост зафиксирован на уровне 222%, в Европе на 592%, то в Азии на 1,913%, а в Африке 11,559 % [17].

Не отрицая позитивных аспектов данного процесса, нельзя не отметить, что осуществление человечеством очередного качественного технологического скачка порождает и не предусмотренные, или скорее, не прогнозируемые тренды цифровой трансформации.

В обобщенном виде к числу основных негативных трендов исследуемого нами процесса, в том числе и в социально-политической сфере, мы склонны относить:

возможность концентрации власти на рынке и усиление монополий;

захват новых рынков транснациональными корпорациями;

дестабилизация денежно-кредитной системы;

нарастание зависимости от компаний-лидеров в сфере информационно-коммуникационных технологий;

появление киберпреступлений;

нерегулируемый сбор и использование персональных данных;

возможность использования тотального контроля над личной жизнью;

нарастающая «информационная псевдобедность».

Следует отметить, что опасения по поводу рисков повсеместного использования цифровых решений в последнее время

заметно усиливаются. Например, большинство компаний опасаются технологических инноваций как таковых, в том числе киберинцидентов. Также серьезную обеспокоенность вызывает и возможность установления общего контроля над гражданами с помощью цифровых технологий, когда становится вполне осуществимым отслеживание каждого шага, каждого слова человека, а в дальнейшем – и его мыслей.

Одним из первых государств, которое сочло возможным осуществить это в правовом поле, является Китайская народная республика [13]. Согласно утвержденному в 2016 г. Государственным Советом КНР уточняющему перечню санкций под названием «Механизмы предотвращения нарушений и наказаний людей, склонных к преступлениям», информацию о гражданах могут собирать и передавать в соответствующие органы интернет-провайдеры, сотовые операторы, владельцы сайтов, работодатели, учебные заведения, правоохранительные органы, налоговая служба и просто сочувствующие соседи [13]. Инициатива по внедрению индивидуальных рейтингов получила название «социального кредита».

Аналогичная практика существует во многих странах мира, однако китайская система уникальна тем, что, во-первых, все данные попадут в единую систему, а во-вторых, на их основании гражданам будут присваивать рейтинг, в соответствии с которым гражданин приобретает возможности пользоваться льготами в случае высокого индивидуального рейтинга, или он лишается некоторых гражданских, социальных и экономических прав в случае низкого социального рейтинга.

Соответственно следующей по значимости проблемой является возрастающая с цифровой трансформацией опасность передачи исполнения определенных санкционирующих действий и управленческих решений кибер-мозгу или искусственному

интеллекту. Экстраполяция таких тенденций в будущее дает возможность констатировать, что акцент на положительных моментах цифровизации и внедрение таких технологий в социальную сферу может привести к абсурдным или даже опасным явлениям. Данный аспект цифровой трансформации в обществе убедительно изложил американский писатель Роберт Шекли в своей футуро-фантастической притче «Страж-птица» в 1953 г. [11].

Притча иллюстрирует «то, что можно было бы назвать «кибернетическим недомыслием», возникающим из того, что всю власть над определённой областью явлений неосмотрительно доверили логическим машинам».

Сходная проблема иллюстрируется и в американском телесериале «В поле зрения» [1]. Здесь анализируется проблема приоритетности, важности преступлений, которую доверяют решать компьютерной системе. Эта система анализирует данные видеонаблюдения, телефонные переговоры, переписку, социальные сети, банковские транзакции и другую информацию и на их основе предсказывает будущие террористические акты и обычные уголовные преступления. Однако кибер-мозг информацию об обычных угрозах записывает отдельно и стирает каждую полночь, поскольку не считает их важными. То есть для машинного интеллекта приоритетным оказывается выявление только резонансных преступлений с большим количеством жертв, как наиболее эффективный результат его работы, а данные для предотвращения преступлений против одного человека не учитываются. Таким образом, цифровые решения, применяемые без соответствующего человеческого контроля, демонстрируют суперэффективность и супераморальность.

Современные научные исследования влияния цифровой трансформации на социум также дают возможность говорить о проявлении негативных эффектов. Среди них заслуживают

внимания, на наш взгляд, исследования, проведенные А. Курпатовым, психотерапевтом, членом Научно-экспертного совета при главе Совета Федерации Российской Федерации. В своих работах он обращает внимание на появление у современного человека феномена «информационной псевдодебильности».

Информационная псевдодебильность или частичная утрата человеческим мозгом нейропластичности, еще одна, на наш взгляд актуальная проблема цифровой трансформации. Как отмечает профессор О.А. Гомазков, специалист в области биохимии и физиологии нейропептидов и ростовых нейротрофических факторов, нейропластичность – это свойство человеческого мозга, заключающееся в возможности изменяться под действием опыта, а также восстанавливать утраченные связи после повреждения или в качестве ответа на внешние воздействия [3]. Роль нейропластичности широко признается современной медициной, поскольку именно это свойство мозга способствует развитию памяти, обучению и восстановлению поврежденного мозга.

Так, в книге «Чертоги разума», доктор А. Курпатов отмечает, что когда человеческий мозг сталкивается с проблемой и испытывает озадаченность, он задействует ассоциативные связи между разными участками коры, пытаясь найти ответ. Он, подобно серверу, просчитывает информацию, которая на нём хранится, прорабатывает возможные варианты [4]. Однако просчитать ту информацию, которой в нем нет, мозг не может. Следовательно, не решая задачи, не запоминая и не просчитывая варианты ответов, мозг не активирует нейронные связи (или не в должной степени активирует), не создает новых синапсов, то есть не обучается.

Выводы. В контексте достижения целей устойчивого развития перед государствами встает значительное количество проблем, связанных с рациональным потреблением, выравниванием доходов граждан и охраной окружающей среды. Осуществляемая в этих

условиях цифровая трансформация порождает в социуме разнонаправленные по качеству и характеру тренды. Ретроспективный анализ человеческой истории показывает, что практически все технологические прорывы действовали на цивилизацию аналогично. И здесь добавляет оптимизма тот факт, что актуальное состояние научно-прикладных исследований дает возможность минимизировать отрицательные эффекты цифровизации социально-экономических систем путем своевременной и перспективной имплементации в законодательство правовых норм, регулирующих использование цифровых решений.

Список литературы

1. В поле зрения: Сериал // Кинопоиск. — URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/582359/>.
2. Введение в «Цифровую» экономику / А. В. Кешелава, В. Г. Буданов, В. Ю. Румянцев [и др.] ; под общ. ред. А. В. Кешелава ; гл. «цифр.» конс. И. А. Зимненко. – [Б. м.] : ВНИИГеосистем, 2017. – 28с.
3. Гомазков О. А. Нейрогенез как адаптивная функция мозга / О. А. Гомазков. – Москва, 2014. — URL: <http://www.ibmc.msk.ru/content/monography/GomazkovOA4.pdf>.
4. Курпатов А. Чертоги разума. Убей в себе идиота / Андрей Курпатов, 2018. – 281 с. — URL: <http://maximalibrary.org/mob/b/422558?format=read>.
5. Лапшин А.О. Глобализация и цифровое общество: заметки на полях / А. О. Лапшин. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalizatsiya-i-tsifrovoye-obschestvo-zametki-na-polyah/viewer>.
6. Маркс К. Сочинения / Карл Маркс, Фридрих Энгельс. Т. 23. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1, кн. 1. Процесс производства капитала. – Москва: Государственное издательство политической литературы, 1960. – 907 с. – С.191.
7. Марченко, М. Н. Государство и право в условиях глобализации : учебное пособие / М. Н. Марченко. – Москва : Проспект, 2015. – 400 с.

8. Полянин А.В. Институциональное изменение понятий "стоимость" и "предпринимательство" на основе мета-технологий блокчейна / Полянин А.В. // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. – 2018. – № 3 (37). – С. 5-10.

9. Социальная компонента государственной региональной политики и ее роль в обеспечении устойчивого развития и экономической безопасности / Коростышевская Е.М., Плотников В.А., Пролубников А.В., Рукинов М.В. // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2018. – № 6 (114). – С. 120-126;

10. Харченко А.А. Цифровая экономика как экономика будущего / Харченко А.А., Конюхов В.Ю. // Молодежный вестник ИрГТУ: электронный научный журнал. - 2017. - № 3 (27). – URL: <http://xn--b1agjigi1ai.xn--p1ai/journals/2017/03>.

11. Шекли Р. Страж-птица / Роберт Шекли. – URL: http://www.domino-books.narod.ru/lib/sheckley_watchbird.htm.

12. Якушенко К.В. Цифровая трансформация информационного обеспечения управления экономикой государств — членов ЕАЭС / Якушенко К.В., Шиманская А.В. // Новости науки и технологий. – 2017. – № 2 (41). – С. 11–20.

13. China's digital dictatorship. Worrying experiments with a new form of social control // The Economist, Dec 17th. – 2016. — URL: <https://www.economist.com/leaders/2016/12/17/chinas-digital-dictatorship>.

14. Digitalization is the revolution happening today. The Games for Business learning platform / ООН, 2019. — URL: https://digital-transformation.gamesforbusiness.com/?gclid=EAIaIQobChMI79nJxbHD5AIVD9KyCh2i3QfJEAAAYASAAEgKLn_D_BwE

15. Generations : the history of America's future, 1584 to 2069 / Willaim Strauss and Neil Howe. – 1st. ed. – URL: https://archive.org/stream/GenerationsTheHistoryOfAmericasFuture1584To2069ByWilliamStraussNeilHowe/Generations+The+History+of+America%27s+Future%2C+1584+to+2069+by+William+Strauss+%26+Neil+Howe_djvu.txt.

16. Internet User Statistics & 2019 Population for the 53 European countries and regions // Internet World stats. – URL: <https://www.internetworldstats.com/stats4.htm>.

17. World Internet Users and 2019 Population Stats // Internet World stats.
– URL: <https://www.internetworldstats.com/stats.htm>.

Мазур Оксана Геннадиевна, д. полит. н., доцент, профессор кафедры государственного управления ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля».

E-mail: oksanamazur1974@gmail.com

Макарова Елена Ивановна, к.экон.н., доцент, заведующая кафедрой государственного управления ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля».

E-mail: 32oklena@rambler.ru

Mazur O.G., Makarova E.I.

DIGITALIZATION AS A DETERMINANT OF THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF A MODERN STATE

The article analyzes various aspects of the impact of the digital transformation process on the achievement of sustainable development goals by modern states. A retrospective analysis of the emergence of sustainable development issues has been carried out. Digitalization is considered as one of the priority strategic tasks and national priorities within the framework of the sustainable development strategy. It is emphasized that the two main priorities in implementing digital transformation are almost always ensuring the international competitive advantages of the state related to the development of the digital economy and optimizing internal development. In the context of government priorities, the positive and negative trends observed in the process of introducing digital and communication technologies in the economic and socio-political spheres are analyzed. The influence of cultural, national and regional factors on the introduction and use of digital technologies in the life of modern states is noted. The factors of the prospective development of states under the influence of the digitalization of business processes are studied. It is

noted that the implementation of the next qualitative technological leap by mankind generates not foreseen, or rather, not predicted trends of digital transformation. The author offers an author's view on the negative consequences of the use of digital solutions in socio-political practices, such as the administration of justice, making state and socially important decisions, etc.

Keywords: *concept, state, sustainable development, information technology, digital solutions, transformation, the Internet.*

Mazur Oksana Gennadievna, *Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Public Administration of the Lugansk State University named after V. Dahl.*

E-mail: *oksanamazur1974@gmail.com*

Makarova Elena Ivanovna, *Candidate of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Public Administration of the Lugansk State University named after V. Dahl.*

E-mail: *32oklena@rambler.ru*

Статья поступила в редакцию 18.07.2025

УДК 323.22/28

Апанашенко О. В.

**СТРАТЕГИЯ ВЕДЕНИЯ АККАУНТОВ ВЛИЯТЕЛЬНЫХ
ЖЕНЩИН РОССИИ В СФЕРЕ ПОЛИТИКИ
(НА ПРИМЕРЕ ТЕЛЕГРАММ КАНАЛОВ)**

В современном мире платформы социальных сетей обладают потенциалом для привлечения аудитории, сравнимой с традиционными средствами массовой информации. По этой причине политическим лидерам крайне важно использовать этот канал коммуникации. В данном исследовании рассматриваются стратегии управления Телеграмм-каналами четырех влиятельных женщин-политиков в России. Проведен сравнительный анализ этих Телеграмм-каналов на основе таких параметров, как содержание контента, охват аудитории и уровень вовлеченности. Целью работы является выявление наиболее эффективной стратегии для управления Телеграмм-каналом женщин, занимающихся политической деятельностью.

Ключевые слова: *социальная сеть, телеграмм канал, стратегия, влиятельные женщины.*

Актуальность. В современном информационном пространстве социальные сети, и в частности платформы мессенджеров, приобретают всё большую значимость как инструменты политической коммуникации. Особенно актуально использование Телеграмм для женщин-политиков, так как этот канал позволяет напрямую взаимодействовать с аудиторией, формировать общественное мнение и укреплять свои позиции. В связи с ростом роли женщин в политике и необходимостью оценки эффективности их коммуникационных стратегий, исследование управления

Телеграмм-каналами женщин-политиков становится особенно актуальным.

Изучение взаимосвязей между людьми привлекало ученых уже давно. Еще в 1908 году Г. Зиммель, анализируя слабосвязанные социальные структуры, предложил концепцию «паутины отношений» [1]. Однако лишь в XXI веке эта паутина охватила миллионы людей. Понятие социальных сетей ввёл в 1954 году американский социолог Джеймс Барнс в своей работе «Классы и собрания в норвежском островном приходе», которая вошла в сборник «Человеческие отношения» [2]. Под ним он подразумевал разветвлённые взаимосвязи отдельного человека с другими людьми. Социальные сети и платформы, такие как Телеграмм, сегодня заявляют об огромной месячной аудитории (например, Телеграмм – 1 миллиард пользователей в мире, 95% из которых используют мобильные устройства), опережая за последние месяцы по популярности даже «ВКонтакте».

Цель статьи. Проанализировать стратегии ведения Телеграмм-каналов четырех влиятельных женщин-политиков в России, выявить наиболее эффективные подходы к управлению аккаунтами, способствующие повышению вовлеченности аудитории и расширению охвата.

Учитывая, что такие платформы стали важным каналом коммуникации (например, «Россия 1» – самый популярный телеканал в России) [3], политические деятели не могут игнорировать их. Все это подчеркивает актуальность данной работы.

Объект исследования. Телеграмм-каналы женщин-политиков, активно ведущих свою деятельность в российском информационном пространстве.

Предмет исследования. Стратегии контент-управления, уровень вовлеченности аудитории, охват и особенности коммуникационной деятельности женщин-политиков в Телеграмм.

Степень научной разработанности. Интерес исследователей к Телеграммам проявился почти сразу после того, как стали ясны его достоинства, включающие в себя возможность относительно свободного создания новых каналов, быструю передачу информации и защиту участников частных политических онлайн-групп, отличающихся критическим настроем. Попова О.В. считает, что цифровые технологии произвели коренной переворот в политической онлайн-коммуникации. В Телеграмм-каналах современная политическая коммуникация отличается быстротой, использованием игровых элементов, интерактивностью, мгновенной критикой и прямыми комментариями. Внешняя видимость эффективности и открытости коммуникации сочетается с ее напряженностью, неоднозначностью распространяемых сведений и сохранением важной функции легитимации идей и идеологий в обществе. Политики, ведущие Телеграмм-каналы и являющиеся лидерами общественного мнения, сталкиваются с нехваткой времени для создания новой информации. При этом им необходимо поддерживать свою уникальность, чтобы сохранять и увеличивать число подписчиков. Аудитория положительно реагирует на провокационные и эмоциональные сообщения, опережающие критическое осмысление, где форма преобладает над содержанием [4].

Паин Э.А. используя метод контент-анализа Телеграмм-каналов, предпринимает важную попытку дифференциации консервативного дискурса, выявляя в нем три отчетливых течения: «белые», «красные» и «зеленые». Предложенная типология представляется весьма эвристичной, позволяющей увидеть внутреннюю неоднородность консервативного поля и, что особенно важно, разное понимание «традиционных ценностей» у каждой из выделенных групп. Но стоит учитывать, что данный феномен мало

изучен и заслуживает внимания со стороны специалистов, занимающихся изучением российской политики и идеологии [5].

Анализ Телеграмм-каналов влиятельных женщин-политиков (Е. Мизулиной, М. Захаровой, В. Матвиенко, Э. Набиуллиной), позволяет определить их стратегии и специфические особенности.

1. Мультизадачность и «человечность»: женщины-политики чаще, чем их коллеги-мужчины, сочетают профессиональную повестку с личными историями, демонстрируя многогранность ролей (политик, общественный деятель). Пример: Е. Мизулина [6], ее высказывания на актуальные темы о своих государственных делах, рабочих поездках, о стримерах-нарушителях, последних нововведениях в законах и т.д.

2. «Сильный Голос» по ключевым вопросам: обязательно присутствуют четкие, часто жесткие позиции по основополагающим вопросам государственной политики, безопасности, суверенитета. Это сигнал о способности принимать решения и нести ответственность. Пример: М. Захарова [7] использует разнообразные репосты их других новостных каналов о политике страны, личные высказывания на актуальные темы про суверенитет страны.

3. Фокус на социальных и «мягких» темах: в то время как общая политическая повестка доминирует, женщины чаще инициируют обсуждения образования, здравоохранения, экологии, защиты прав уязвимых групп, культуры, проблем семьи. Пример: В. Матвиенко [8], анализирует политическую ситуацию в стране, публикации очень редко, но на особо актуальные темы.

4. Эмпатия и эмоциональная вовлеченность: стиль коммуникации часто отличается большей эмоциональной окраской, использованием личных историй, выражением сопереживания. Это может быть мощным инструментом для создания эмоциональной связи с аудиторией и мобилизации поддержки по чувствительным вопросам. Пример: Е. Мизулина, всегда публикует актуальный

контент, комментарии открыты, это позволяет общаться с аудиторией. Е. Мизулина всегда в центре событий, даже уделила внимание выпускникам из школ.

5. Политический постиронизм: использование юмора, сатиры и иронии для привлечения аудитории, часто с целью критики или высмеивания политических явлений, но иногда и для продвижения своих взглядов. Пример: Е. Мизулина, всегда в тренде событий, в своих постах не только анализ политической ситуации в стране, но и использует юмор в качестве поддержки своей аудитории. М. Захарова, использует немного политического юмора.

6. Информирование: публикация новостей о ситуации в различных сферах жизни общества. Пример: Э. Набиуллина, Телеграмм-канал называется «Набиуллина про финансы» [9]. Комментарии к публикациям отключены. В этом Телеграмм-канале публикуются идеи и стратегии для развития бизнеса, а также информация о том, как находить новые возможности и эффективно использовать ресурсы для роста. Канал создан для того, чтоб простые люди могли почерпнуть максимум полезной информации и строить свое будущее финансово грамотным человеком.

Стратегии ведения телеграмм каналов политических деятелей РФ различаются по следующим позициям:

- Количество видеоконтента: много видео (Мизулина), меньше половины (Захарова), минимальное количество (Матвиенко);
- Частота репостов: Средняя (Мизулина), низкая (Захарова, Матвиенко), минимальная (Набиуллина);
- Работа с комментариями: комментирование разрешено (Захарова), комментирование запрещено (Мизулина, Матвиенко, Набиуллина);
- Стиль ведения записей: от первого лица (Мизулина, Матвиенко), от третьего лица (Набиуллина), смешанный тип (Захарова);

• Частота постинга: в среднем одна и больше записей в сутки (Мизулина, Захарова), в среднем меньше одной записи в сутки (Матвиенко), очень редкие записи (Набиуллина).

Автором для всех четырех женщин-политиков было посчитано среднее количество «лайков», «репостов» и «просмотров», а также частота среднего количества «просмотров» к количеству подписчиков. Эти критерии говорят о том, сколько пользователей увидели и отреагировали на информацию в Телеграмм-канале, охват аудитории. Для того, чтобы подсчитать, какой из аккаунтов имеет наибольший охват аудитории, автор сравнил эти показатели, используя балльную систему (где один балл присваивается аккаунту, который имеет наименьший показатель по рассматриваемому критерию, а четыре – наибольший). То есть, чем меньше сумма баллов, тем выше охват аудитории. Результаты подсчета выражены в табл. 1.

Таблица 1

Охват аудитории Телеграмм-каналов женщин-политиков

	Мизулина	Захарова	Матвиенко	Набиуллина
Среднее «лайки»	3000	50	200	20
Среднее «репосты»	1000	20	40	30
Среднее «просмотры»	120000	100000	100000	9000

В качестве вывода можно отметить, что больше всего баллов, а следовательно и наибольший охват аудитории у Телеграмм-канала директора «Лиги безопасного интернета» Екатерины Мизулиной (12 баллов), следующий по охвату аудитории Телеграмм-канал председателя Совета Федерации Федерального Собрания РФ Валентины Матвиенко (9 баллов), далее идет Телеграмм-канал официального представителя МИД РФ Марии Захаровой (6 баллов) и наименьший охват аудиторий из всех четырех телеграмм каналов

имеет канал председателя Центрального банка РФ Эльвиры Набиуллиной (3 балла). Вовлеченность аудитории автор рассчитывал, как частное среднего количества «лайков» и среднего количества «просмотров», частное среднего количества «репостов» и среднее количество «просмотров», среднее количество просмотров видеозаписей, частое среднего количества просмотров видеозаписей и среднего количества «просмотров». Эти показатели отражают степень вовлеченности аудитории. Каждый из этих показателей отражает то, сколько из тех пользователей, которые увидели информацию на канале аккаунта, действительно восприняли её и дали ответную реакцию. То есть процент активной аудитории, которые с большей вероятностью, чем остальная часть аудитории, поддержат какую-то акцию в интернете или конвертируют свою активность онлайн в активность офлайн (придут на какой-то митинг, проголосуют на выборах и т.д.).

При оценке данного критерия также использовалась балльная система в табл. 2.

Таблица 2

Вовлеченность аудитории

	Мизулина	Захарова	Матвиенко	Набиуллина
Среднее «лайки\просмотры»	0,025	0,0005	0,002	0,0022
Среднее «Репосты\просмотры»	0,0083	0,0002	0,0004	0,0033
Среднее «просмотры Видео»	150000	120000	37000	4000
Среднее «просмотры Видео\просмотры»	1,25	1,2	0,37	0,44

Результаты исследования. В результате больше всего баллов, а следовательно и наибольшая вовлеченность аудитории Телеграмм-канала директора «Лиги безопасного интернета» Екатерины

Мизулиной (16 баллов), второе место по вовлеченности аудитории в Телеграмм-канал официального представителя МИД РФ Марии Захаровой (11 баллов), третье место у Телеграмм-канала у председателя Совета Федерации Федерального Собрания РФ Валентины Матвиенко (10 баллов), наименьшая вовлеченность аудитории у председателя Центрального банка РФ Эльвиры Набиуллиной (8 баллов). Стратегии, которые используют в Телеграмм-каналах Е. Мизулиной, В. Матвиенко, М. Захаровой представляют собой смешанный подход. Что касается телеграмм канала «Набиуллина про финансы», это может указывать на экспертный уровень канала и необходимость предоставления качественной аналитической информации. В декабре 2024 года глава Центробанка Эльвира Набиуллина заявляла, что Телеграмм один из каналов, в которых реализуются схемы по манипулированию фондовым рынком.

Выводы. Проведенный анализ стратегий ведения Телеграмм-каналов влиятельных женщин-политиков в России, в частности, Эльвиры Набиуллиной, Елены Мизулиной, Марии Захаровой и Валентины Матвиенко, демонстрирует разнообразие подходов к использованию платформы для политической коммуникации.

Так, Телеграмм-канал «Набиуллина про финансы», транслирует экспертную информацию о финансовой политике, умело используя формат для разъяснения сложных экономических процессов простым языком. Ориентация на рациональный контент и сдержанный тон, вероятнее всего, формирует имидж компетентного и надежного руководителя.

В противоположность этому, канал Елены Мизулиной, как правило, фокусируется на вопросах нравственности и семейных ценностей, используя эмоционально окрашенные публикации и остро реагируя на актуальные социальные вызовы. Данная стратегия, вероятно, направлена на мобилизацию консервативно

настроенной аудитории и формирование четкой позиции по ключевым вопросам.

Мария Захарова, представляя официальную позицию Министерства иностранных дел, использует Телеграмм для оперативного информирования о внешнеполитических событиях и комментирования международной повестки дня. Ее канал отличается оперативностью и часто содержит эксклюзивную информацию, что привлекает внимание не только широкой публики, но и профессиональных журналистов.

Канал Валентины Матвиенко, в свою очередь, ориентирован на освещение деятельности Совета Федерации и продвижение законодательных инициатив. Публикации часто содержат информацию о встречах, выступлениях и законопроектах, что подчеркивает ее роль как важного государственного деятеля.

Сравнительный анализ демонстрирует, что наиболее эффективные подходы к управлению Телеграмм-каналом зависят от целей политического деятеля, его целевой аудитории и специфики его профессиональной деятельности. При этом общим для всех является стремление к установлению прямого контакта с аудиторией и расширению охвата, что свидетельствует о растущей роли Телеграмм в современной политической коммуникации. Исследование Телеграмм-каналов открывает поистине новые горизонты для политической коммуникации, где женский голос находит все более мощные и разнообразные способы быть услышанным.

Список литературы

1. Зиммель Г. Избранное. Т.2. Созерцание жизни /Г. Зиммель. - М.: Юрист, 1996. - 607 с.
2. Barnes, J. A. Class and Committees in a Norwegian Island Parish // Human Relations» (1954).

3. Телеканалы-лидеры 2024 года [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20250109/tv-reytingi-1992817815.html>.

4. Попова О. В. Особенности коммуникации политизированных сообществ в русскоязычных Телеграм-каналах // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2023. – Т.19. – № 2. – С. 215–229. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.205>.

5. Паин Э. А. «Белые», «красные», «зеленые»: идейное и этноконфессиональное многоцветье современного российского консерватизма (на основе контент-анализа Telegram-каналов) // Социологические исследования. – 2025. – № 3. – С. 40-53. – DOI 10.31857/S0132162525030042

6. Телеграмм канал директора «Лиги безопасного интернета» Екатерины Мизулиной [Электронный ресурс]. URL: https://t.me/ekaterina_mizulina.

7. Телеграмм канал официального представителя МИД РФ Марии Захаровой [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/MariaVladimirovnaZakharova>.

8. Телеграмм канал председателя Совета Федерации Федерального Собрания РФ Валентины Матвиенко [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/valentinamatvienko>.

9. Телеграмм канал «Набиуллина про финансы» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/nabiullinaabout>

Апанащенко Ольга Владимировна, аспирант кафедры государственного управления, ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», Россия, г. Луганск

E-mail: Olga.Apanas@yandex.ru

Apanashchenko O.V.

***STRATEGY FOR MANAGING ACCOUNT OF INFLUENTIAL WOMEN
OF RUSSIA IN THE SPHERE OF POLITICS
(ON THE EXAMPLE OF TELEGRAM CHANNELS)***

In today's world, social media platforms have the potential to attract audiences comparable to traditional media. For this reason, it is extremely important for political leaders to use this communication channel. This study examines the Telegram channel management strategies of four influential female politicians in Russia. A comparative analysis of these Telegram channels is conducted based on such parameters as content, audience reach, and engagement level. The goal of the work is to identify the most effective strategy for managing the Telegram channel of women involved in political activities.

Keywords: *social network, Telegram channel, strategy, influential women.*

Apanashchenko Olga, 3rd year postgraduate student, Department of Public Administration, Luhansk State University named after Vladimir Dahl, Lugansk

E-mail: *Olga.Apanas@yandex.ru*

Статья поступила в редакцию 30.07.2025

УДК 271

Звонок Н.С., Мазур О.Г.

ЦЕРКОВНАЯ ПОЛИТИКА ВЛАСТЕЙ НА УКРАИНЕ КАК ВОЙНА ПРОТИВ СОБСТВЕННОГО НАРОДА

В данной статье рассматривается религиозная ситуация на Украине. В РПЦ неоднократно предупреждали, что в случае принятия закона, запрещающего деятельность религиозных организаций с центром в России, на Украине может наступить массовое противостояние с непредсказуемыми последствиями, что мы и наблюдаем сегодня: очередной «церковный майдан», организованный властями Украины против УПЦ (МП) привел к гонениям на клир и верующих, в результате которого на стороне УПЦ остаются только самые преданные верующие.

***Ключевые слова:** православие, гонения, верующие, «церковный майдан», противостояние.*

Актуальность. Анализ конфессиональной обстановки на Украине позволяет выделить ряд значимых аспектов. Представители Московского патриархата неоднократно высказывали опасения, что законодательная инициатива, направленная на прекращение функционирования религиозных объединений, руководящие органы которых расположены в Российской Федерации, способна спровоцировать на украинской территории масштабный социальный конфликт, чьи последствия крайне сложно прогнозировать. Актуальность данной статьи заключается в анализе религиозной ситуации на Украине и прогнозировании возможных последствий гонений на УПЦ. Правовые эксперты, специализирующиеся на каноническом праве, также утверждают, что введение ограничений для Украинской Православной Церкви (Московский Патриархат) на

самом деле представляет собой прямое ущемление фундаментальной свободы исповедования религии. Данная правовая позиция, по их мнению, находится в прямом противоречии с положениями Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также с базовыми принципами, закрепленными в Конституции Украины.

Целью данной статьи является прогнозирование возможных политических последствий религиозного противостояния на Украине.

Объектом исследования являются гонения на УПЦ в Украине.

Предметом исследования является религиозная ситуация в современной Украине.

В рамках видеообращения, распространенного 29 марта 2023 г., Владимир Зеленский охарактеризовал Украину в качестве «территории самой большой религиозной свободы» [6]. Данное утверждение было высказано на фоне существующей официальной политики, которая сопровождается систематическим давлением в отношении канонической Украинской православной церкви. Возникает вопрос о том, какое положение дел существует в действительности. Проявления дискриминационного характера по отношению к Украинской православной церкви (Московского патриархата) фиксируются практически в каждой области украинского государства. Данная проблема вызывает пристальное и крайне напряженное внимание со стороны всего мирового православного сообщества, которое с глубокой озабоченностью отслеживает развивающиеся на украинских землях события.

Степень научной разработанности. Немного истории. Продолжительное и систематическое противостояние с канонической православной структурой на украинской территории наблюдается на протяжении последних тридцати лет. Иницилирующая фаза данного процесса может быть

идентифицирована как период, связанный с деятельностью Филарета и последовавшим за этим церковным разделением. Важно отметить, что возникновение так называемого «Киевского патриархата» произошло при активном содействии и открытой поддержке со стороны Леонида Кравчука, занимавшего в тот исторический момент пост первого главы украинского государства после обретения им независимости. Этот институт был создан как альтернативный центр религиозной власти, что положило начало длительному институциональному и доктринальному конфликту в украинском религиозном пространстве. Это можно классифицировать как первый этап.

Второй этап. На протяжении указанного периода руководство Украины целенаправленно и систематически возвращало так называемый «Киевский патриархат», оказывая ему всемерное покровительство и параллельно поощряя деятельность маргинальных религиозных объединений, к которым причисляются и структуры автокефалистов. В конечном счете, благодаря активной деятельности политических деятелей Виктора Ющенко и Петра Порошенко, а также при концептуальном и идеологическом содействии Соединенных Штатов Америки, в начале 2019 года от Константинопольского патриархата, базирующегося в Стамбуле, был обретен официальный томос. Этот документ предоставил санкцию на учреждение обособленной от канонической Украинской православной церкви, находящейся в юрисдикции Московского Патриархата, независимой религиозной структуры. Вновь созданная организация, именуемая «Православная церковь Украины», осуществила интеграцию и административное поглощение вышеупомянутого «Киевского патриархата».

В настоящее время данная «Православная церковь Украины» де-факто признана главной и официальной конфессией, поддерживаемой государственным аппаратом Украины.

Результаты исследования. К 2018 году систематическое давление на каноническую Украинскую Православную Церковь переросло в широкомасштабную инициативу, инициированную на государственном уровне. При активном участии Константинопольского патриарха Варфоломея украинскими властями была сформирована из групп раскольнической направленности так называемая Православная Церковь Украины (ПЦУ), которая стала рассматриваться в качестве основного оппонента УПЦ. Каноническая Украинская Православная Церковь, аналогично позиции Русской Православной Церкви, квалифицирует данную религиозную структуру как неканоническую и схизматическую. Со стороны ПЦУ прослеживаются стремления к утверждению статуса единственной легитимной православной конфессии на территории государства. Аргументируя свои действия наличием тесных контактов УПЦ с Российской Федерацией, региональные органы власти в многочисленных областях Украины приняли нормативные акты, направленные на ограничение деятельности УПЦ, а на уровне национального парламента был зарегистрирован законодательный проект, предполагающий ее полное запрещение в стране. В отношении ряда клириков Украинской Православной Церкви были применены меры государственного воздействия, включая персональные санкции. Служба безопасности Украины приступила к инициированию досудебных расследований в отношении духовенства УПЦ, осуществляя инспекционные мероприятия в резиденциях архиереев, приходских храмах и монастырских комплексах с целью обнаружения свидетельств деятельности, трактуемой как противоречащая интересам Украины. В декабре 2022 года СБУ было возбуждено 50 уголовных дел в отношении священников УПЦ [1].

В настоящее время осуществляется третий этап ликвидации канонического православного направления, которое имело духовные

связи с Москвой. Группа народных депутатов Верховной Рады, в состав которой вошли шесть представителей фракции «Голос» и один парламентарий от «Слуги народа», выступила с законодательной инициативой о введении полного запрета на функционирование Русской православной церкви в форме УПЦ МП на территории Украины. Упомянутый законопроект был официально опубликован на интернет-портале Верховной Рады Украины 26 марта 2023 года. Кроме того, данный нормативный акт устанавливает правовые основания для конфискации объектов недвижимого имущества и других материальных ценностей, принадлежащих религиозным объединениям, руководящие центры которых расположены в Российской Федерации.

Значительное число украинских аналитиков высказали одобрение в отношении данного законодательного предложения, аргументировав это тем, что структуры Московского Патриархата, действующие на территории Украины, представляют собой конечный оплот влияния Российской Федерации под руководством Путина в украинском государстве. Упомянутый законопроект получил предварительное одобрение в ходе первого чтения, которое состоялось в октябре 2023 года. Со стороны Всемирного совета церквей (ВСЦ) последовало заявление о том, что существующая редакция документа приходит в противоречие с универсальными международными стандартами свободы религиозных убеждений и обладает потенциалом для углубления раскола внутри украинского социума. Дополнительно резкую критику в адрес законодательной инициативы выразил верховный комиссар ООН по правам человека Фолькер Тюрк: по его утверждению, шаги, предпринимаемые органами власти Украины, идут вразрез с принципами свободы вероисповедания и установленными нормами международного права [11]. Проповедь, произнесенная митрополитом Сумским и Ахтырским Евлогием и обнародованная в марте 2024 года, вызвала глубокий резонанс во всем православном сообществе; его

непоколебимая убежденность в справедливости защищаемой позиции, а также его обращение к пастве, призывающее не испытывать страха перед необходимостью перехода к подпольным формам религиозной жизни в контексте преследований Украинской Православной Церкви (УПЦ), произвели сильнейшее впечатление. Современный этап развития ситуации может быть без преувеличения охарактеризован как процесс перехода Украинской Православной Церкви к катакомбному способу существования, что подразумевает организацию религиозной деятельности в условиях скрытности и внешнего давления. Т.е., третий этап мы можем смело назвать переходом на катакомбное существование УПЦ.

5 марта 2024 года профильный комитет Верховной Рады, занимающийся вопросами гуманитарной и информационной политики, вынес положительное заключение на законопроект под номером 8371, предполагающий введение запрета на деятельность УПЦ, и одобрил его для дальнейшего рассмотрения в рамках второго чтения. Согласно тексту проекта закона, который был одобрен данным комитетом, структуры, аффилированные с РПЦ, лишаются возможности эксплуатации объектов, находящихся в государственной и коммунальной собственности, а процедура перехода религиозных общин в ПЦУ подвергнется значительному упрощению [4].

Бывший помощник государственного секретаря США при администрации Дональда Трампа Роберт Дестро охарактеризовал упомянутый законопроект как акт грубого попрания фундаментальных прав человека. «Хотя это и представляется как мера «национальной безопасности», на самом деле это закон, который налагает коллективное наказание на невинных прихожан, священников и приходские общины, единственным «преступлением» которых является исповедование веры, которую они знают с детства», – утверждает Дестро. С его точки зрения,

данный законопроект по своей сути представляет собой объявление войны лояльным православным гражданам Украины, которые воспринимают всерьез конституционные гарантии свободы вероисповедания. Соединенные Штаты не должны потворствовать нарушениям прав человека на территории украинского государства. Напротив, США следовало бы обозначить Украину в качестве «страны, вызывающей особое беспокойство» в соответствии с действующим американским законодательством в сфере международной религиозной свободы, – подчеркнул Дестро [2].

Так, в преддверии празднования Пасхи в 2023 году сложилась напряженная обстановка вокруг Киево-Печерской лавры. Верующие канонической Украинской православной церкви продолжали осуществлять охрану данной монастырской обители, демонстрируя стойкость вопреки непостоянным метеорологическим условиям и агрессивным действиям со стороны экстремистски настроенных групп. Государственные структуры, осознав невозможность изъятия монастырского комплекса путем мирного диалога, все активнее рассматривали варианты применения принудительных мер для его захвата. Непосредственно у входа в лавру собирались прихожане для совершения молитвенных ритуалов. Участники акции безмолвно произносили тексты Символа веры, а также читали акафисты. Периодически из толпы доносились возгласы, провозглашающие: «Христос воскрес!»). Несмотря на постоянное присутствие нарядов правоохранительных органов в непосредственной близости от монастырских стен, на протяжении последних семи дней радикальные элементы не единожды предпринимали попытки инципирования столкновений, используя для этого выкрикивание лозунгов националистического содержания, однако миряне реагировали на подобные провокации исключительно исполнением церковных гимнов. Фотографические материалы, на которых запечатлена певчая Киево-Печерской Лавры, совершающая молитву в окружении активистов украинского националистического

движения, пребывающих в состоянии крайнего возбуждения, получили широкое распространение в мировом информационном пространстве. Параллельно был инициирован процесс вручения повесток военного образца духовенству, студентам духовных семинарий и монашествующим в составе УПЦ. На территории Киево-Печерской Лавры уже было распространено несколько десятков таких документов, что, по всей видимости, упрощало задачу по захвату данной религиозной святыни. Представители националистических группировок даже попытались осуществить вручение повестки руководителю отдела по информационно-просветительской деятельности УПЦ, митрополиту Клименту.

Еще 28 марта 2023 года Православная церковь Украины выдвинула претензию к официальным инстанциям о передаче в ее ведение всего комплекса Киево-Печерской лавры. При этом предстоятель ПЦУ Епифаний Думенко заверил, что монашествующие, которые изъявят желание присоединиться к его юрисдикции, получают возможность продолжить проживание и деятельность на территории монастыря. Со стороны канонической Украинской православной церкви было отмечено, что стратегический замысел заключается в принудительном изменении конфессиональной самоидентификации монашеской общины. Советник патриарха Московского и всея Руси по вопросам внешних церковных связей протоиерей Николай Балашов акцентировал внимание на том, что по численности иноков каноническая УПЦ обладает двадцатикратным перевесом по сравнению с раскольнической структурой [14]. Важно отметить, что общее количество монашествующих в Украинской православной церкви по стране составляет более 4,6 тысячи человек. В то же время в ПЦУ насчитывается лишь пара сотен. Что касается непосредственно братии Киево-Печерской лавры, общая численность которой составляет около 220 человек, то лишь пятеро изъявили готовность

перейти под руководство Думенко. Таким образом, киевский режим обозначил четкую целевую установку: обеспечить переход лавры под контроль раскольников и добиться ликвидации УПЦ [14]. В марте 2023 года российский посол в Вашингтоне Анатолий Антонов сделал заявление, в котором указал, что систематическое преследование монахов осуществлялось повсеместно в тот самый период, когда администрация США инициировала проведение «Саммита за демократию», в рамках которого провозглашались тезисы о защите свобод личности, выражения мнений, убеждений, слова, совести и вероисповедания. Полное отсутствие какой-либо реакции на противоправные действия киевского руководства, по его словам, вступает в вопиющее противоречие с официально декларируемыми целями данного форума. Возникает вопрос: чем обусловлено молчание участников саммита в связи с фактами дискриминации жителей монастыря? Это проявление равнодушия, демонстрация двойных стандартов или же свидетельство безоговорочного следования директивам Соединенных Штатов? Дипломат подчеркнул, что на «саммит за демократию» был приглашен Владимир Зеленский, который и развернул «вахханалию беззакония, направленную на раскол в православном мире» [13].

Стремясь устранить обвинения в связях с Русской православной церковью и акцентировать свою суверенность, Украинская православная церковь незадолго до празднования Пасхи впервые за последние сто десять лет самостоятельно инициировала процесс изготовления мира (специального масла, применяемого в таинстве миропомазания), которое традиционно рассматривается в качестве прерогативы автокефальных религиозных организаций. До настоящего времени УПЦ приобретала это вещество у РПЦ, однако в текущих условиях его транспортировка в город Киев стала практически невыполнимой. Согласно официально обнародованным на интернет-портале УПЦ решениям Синода, по состоянию на 11 апреля 2024 года примерно 1,5 тысячи храмов канонической

Украинской православной церкви были незаконно заняты представителями раскольнической структуры, именуемой «Православная церковь Украины» [12]. На территории всего украинского государства фиксируются систематические преследования в отношении УПЦ: адвокат канонической Украинской православной церкви Роберт Амстердам сообщил, что им было подготовлено свыше 250 страниц тщательно зафиксированных свидетельств, подтверждающих факты дискриминационных действий против церковной организации и её священнослужителей.

«Многие журналисты спрашивают нас: какие доказательства у вас есть касательно этих нападений на священников? Что мы смогли сделать, так это собрать в доклад объемом 250 страниц задокументированные нападения на церковь, включая нападения на лавру» [1], – заявил он.

Представитель по вопросам защиты гражданских свобод, кроме того, выступил с обращением к руководящим структурам Украины, убедительно попросив их отказаться от последующих стадий обсуждения законодательной инициативы, нацеленной на объявление вне закона Украинской Православной Церкви [1]. По его словам, разрабатываемый документ представляет собой исключительно выражение дискриминационной риторики и враждебных высказываний [1]. Он подчеркнул, что агрессивные действия в отношении религиозных людей в условиях вооруженного противостояния, их насильственное изгнание из культовых сооружений, а также лишение граждан возможности посещать молитвенные помещения являются совершенно неприемлемыми [1]. Спикер призвал официальные органы власти прекратить законодательную процедуру вокруг данного проекта и отказаться от практик раскола социума, настраивания одних групп населения против других [1].

Описание событий недавнего периода: 30 марта 2024 года адепты отколовшейся Православной церкви Украины, заручившись поддержкой государственных служащих и представителей правоохранительных ведомств, осуществили блокаду входа в культовое здание, принадлежащее канонической УПЦ, которое расположено в населенном пункте Загонцы, что в Хмельницкой области [1]. Из сообщений следовало, что в процессе подобных силовых захватов религиозные прихожане подвергаются серьезному риску быть объявленными врагами [1]. Ранее, в феврале, в городе Вышгороде, относящемся к Киевской области, последователям канонической Украинской Православной Церкви удалось отстоять свой Свято-Пантелеимоновский храм от посягательств со стороны захватчиков, представляющих раскольническую ПЦУ [1]. На защиту религиозной святыни тогда вышло приблизительно 60 верующих [1]. После того как ключи от помещения были возвращены законной общине, участниками события был проведен торжественный молебен [1].

Также, 25.04.2024 г. прошло сообщение, что СБУ задержало наместника Святогорской Лавры митрополита Арсения. В монастыре проходили обыски.

Представители Европейского парламента из Нидерландов и Германии, а именно Марсель де Грааф и Иоахим Кус, выступили с инициативой, призывающей дать оценку дискриминационным мерам, которые инициируются киевским правительством в отношении Украинской Православной Церкви. Свое официальное обращение по данному вопросу эти парламентарии направили в высший орган исполнительной власти Европейского союза – Европейскую комиссию. В своем документе они акцентировали внимание на том, что украинский парламент в настоящее время рассматривает законодательную инициативу, направленную на введение абсолютного запрета деятельности УПЦ в границах государства, а также осуществляет принудительное давление на

религиозные общины и служителей культа с целью их перехода в иные религиозные объединения. При этом было особо отмечено, что «УПЦ играла ключевую роль в духовной жизни украинского общества»[5]. Согласно информации, изложенной в обнародованном отчете на интернет-портале Управления верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека (УВКПЧ), на протяжении временного отрезка с декабря 2023 года по февраль 2024 года духовные лица и миряне, принадлежащие к Украинской православной церкви (УПЦ), продолжали сталкиваться с систематическими актами давления и запугивания на территории Украины [8]. В указанном документе констатируется, что на протяжении отчетного интервала (декабрь 2023 года – февраль 2024 года) служители культа и рядовые верующие Украинской православной церкви (УПЦ) оставались объектами устрашающих действий. УВКПЧ зарегистрировало шесть отдельных инцидентов в пяти различных областях, в ходе которых коллективы граждан осуществляли насильственное проникновение в культовые сооружения УПЦ, мотивируя подобные действия распоряжениями муниципальных органов власти о легализации новых религиозных объединений Православной Церкви Украины (ПЦУ) по тем же самым юридическим адресам, где уже были зарегистрированы общины УПЦ [8].

Зампред Совбеза РФ Дмитрий Медведев заявил также, что запрет УПЦ на Украине – грязная политика, густо замешанная на кокаине и сатанизме [5].

Дать объективную оценку текущим событиям представляется весьма сложной задачей, в то время как определенная часть наблюдателей, наоборот, усматривает в сложившейся ситуации отправную точку для процесса интеграции земель исторической православной Руси. Эту концепцию в рамках одного из своих телевизионных программ раскрыл Никита Михалков. Со слов

телеведущего, предсказание, приписываемое монашеской братии Святогорской Лавры, утверждает, что процесс объединения Руси стартует спустя шесть месяцев после того момента, когда еретики и отступники от канонического православия установят свой контроль над Киево-Печерской и Почаевской Лаврами [3]. Что касается Украинской Православной Церкви, то аналитики подчеркивают ее уникальную духовную природу: ее истоки коренятся в общей православной традиции, унаследованной от Древней Руси. Именно эта ее характеристика вызывает неприятие в кругах политических деятелей, – такова точка зрения профессора, представляющего Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Владислава Петрушко. Помимо этого, по мнению экспертов, УПЦ ни при каких условиях не совершит акта «вероучительного отступничества» – то есть не вступит в объединение с группами, признанными раскольническими, и с представителями греко-католического вероисповедания. Однако достижения именно такой консолидации в настоящий момент настойчиво требуют от церкви действующие государственные институты [14].

Цинизм и агрессия в отношении УПЦ (МП), поощряемые повсеместно со стороны президента Украины и его окружения, подтверждают знаменитое пророчество старца Зосимы Сокура, которого не стало еще 20 лет назад. Он почил в 2002 году в возрасте 57 лет в селе Никольском, будучи духовным наставником нескольких храмов. Однако, его предсказания удивительно точно передают суть сегодняшней ситуации на Украине: «Отходя в жизнь вечную, последнее слово глаголю вам, братья, сестры и все молящиеся в обители нашей: держитесь Русской Православной Церкви – в ней спасение. У нас один Патриарх Московский и всея Руси!

...Прости нас, Господи, за наше разоренное Отечество. Что нас, русских людей, делают искусственными врагами, – а ведь мы все в единой купели Киевской Руси, а не Украины, крещены. ...Прости

нас, Господи, что вражду мы сеем – москали, хохлы и прочие народы – когда мы все единая Русь...

Но Россия устоит, и там будет очень благодать большая, даже силы ада, антихриста не одолеют Русской Православной Церкви... И наступят еще светлые времена единства России и Украины. Ибо это единый народ, единая Русь Святая!...» [3].

Представитель Патриарха Московского и всея Руси Кирилла протоиерей Николай Балашов констатировал [10], что ликвидировать Церковь не представляется возможным. Репрессивные меры, по его словам, имели протяженность в многочисленные десятилетия, однако институт Церкви продолжил свое существование. Безусловно, в эпоху преследований случилось ее серьезное количественное сокращение, но, тем не менее, она продолжила функционировать. Как полагает священнослужитель, аналогичную ситуацию можно прогнозировать в настоящее время и для Украины. Противостоящему религии политическому строю уготован незавидный финал. Данные власти определенно не сумеют организовать судебные разбирательства в отношении многих тысяч культовых сооружений и обителей, относящихся к Украинской православной церкви, поскольку предоставленный им временной промежуток в истории закончится. Это явление не рассматривается им как случайное заблуждение или недостаток взаимопонимания. Он убежден, что это противостояние чрезвычайно влиятельных мировых структур, направленное против сакральной консолидации народов, исповедующих православие. Это намерение ликвидировать метафизический и цивилизационный фундамент, на котором базируется наше сообщество, уходящее корнями в восточнославянскую православную традицию.

Выводы. Необходимо акцентировать внимание на том обстоятельстве, что исторический анализ многократно демонстрировал следующую закономерность: проводимые в

отношении религиозных объединений репрессивные меры, как правило, не приводят к их ликвидации, а, напротив, способствуют их консолидации и усилению их внутренней структуры. В результате гонений остаются самые верные и преданные верующие, под воздействием систематического преследования из состава религиозной общности исключается случайный элемент, в результате чего сохраняется ядро наиболее убежденных и стойких приверженцев данного учения; альтернативным сценарием является переход объединения на нелегальное положение, что лишь затрудняет какой-либо диалог с ним. Режим, установившийся в Киеве, вне зависимости от того, действует ли он осознанно или по недомыслию, своими действиями формирует для себя категорию принципиальных противников, чья мощь проистекает из их безоговорочной преданности религиозному наследию, унаследованному от предыдущих поколений.

Список литературы

1. Адвокат УПЦ составил доклад на 250 страниц с доказательствами нападения на церковь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iz.ru/1677859/2024-04-05/advokat-uptyc-sostavil-doklad-na-250-stranits-s-dokazatelstvami-napadenii-na-tcerkov>.
2. Бывший американский чиновник назвал проект о запрете УПЦ коллективным наказанием [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20240318/ukraina-1934036085.html?in=t>.
3. В Оптиной пустыни открыли пророчество старца [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ruskline.ru/news_rl/2023/01/16/shiarhimandrit_zosima_sokur_o_kievopecherskoi_lavre.
4. Гуманитарный комитет Рады рекомендовал обновленную версию законопроекта о запрете УПЦ к принятию во втором чтении [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://amin.su/content/news/5/7598/>.
5. Депутаты Европарламента потребовали прекратить преследования УПЦ на Украине [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ukraina.ru/20231103/1050758765.html>

6. Зеленский назвал Украину территорией самой большой религиозной свободы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.mail.ru/politics/55619871/?frommail=1>.

7. Наместник Киево-Печерской лавры обратился к Зеленскому фразой «бойтесь» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.mail.ru/incident/55621936/?frommail=1>.

8. ООН: на Украине продолжаются акты запугивания священников и верующих УПЦ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20240327/ukraina-1936273802.html?in=t>.

9. ООН опубликовала доклад о дискриминации Украинской православной церкви [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20230326/doklad-1860758034.html>.

10. Рада приняла «закон о запрете канонической УПЦ». Чем он грозит Церкви [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2023/10/19/maniia-bezzakoniia.html>.

11. Синод УПЦ: законопроект №8371 нарушит право на свободу вероисповедания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20240411/zakonoproekt-1939288868.html?in=t>.

12. Синод УПЦ: около 1,5 тысяч храмов захвачено раскольниками [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20240411/raskolniki-1939310408.html>.

13. США игнорируют ситуацию в Киево-Печерской лавре, заявил Антонов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.mail.ru/politics/55621190/?frommail=1>.

14. Что началось в Киево-Печерской лавре после захода «Правого сектора» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20230405/lavra-1863000936.html>.

Звонок Наталья Степановна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», г.Луганск.

E-mail: zvopok1962@mail.ru

Мазур Оксана Геннадиевна доктор политических наук, профессор, профессор кафедры государственного управления, ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

E-mail: oksanamazur1974@gmail.com

Zvonok N.S., Mazur O.G.

***CHURCH POLICY OF THE AUTHORITIES IN UKRAINE
AS A WAR AGAINST THEIR OWN PEOPLE***

The Russian Orthodox Church has repeatedly warned that if a law banning the activities of religious organizations with centers in Russia were to be adopted, mass confrontation with unpredictable consequences could ensue in Ukraine. This is precisely what we are observing today: another «church Maidan», organized by the Ukrainian authorities against the Ukrainian Orthodox Church (UOC-MP), has led to the persecution of the clergy and believers, as a result of which only the most devoted faithful remain with the UOC.

Keywords: *orthodoxy, persecution, believers, "church Maidan," confrontation.*

Zvonok Natalya Stepanovna, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy of the FSBEU HE «Luhansk State University named after Vladimir Dahl», Luhansk,.

E-mail: zvonok1962@mail.ru

Mazur Oksana Gennadiievna, Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Department of Public Administration, Lugansk State University named after Vladimir Dal, Lugansk.

E-mail oksanamazur1974@gmail.com

Статья поступила в редакцию 05.08.2025

УДК 130.2+304.2

Лустенко А. Ю.

СОЦИАЛЬНО-УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СРЕДНЕВЕКОВОГО РУССКОГО СОЦИУМА

В статье рассматривается процесс сосуществования в культуре и общественной мысли средневекового русского социума двух моделей осмысления власти, её онтологических оснований и форм выражения: имманентной (демократической, аристократической, родовой) и трансцендентной (самодержавной, личностной). Статья раскрывает соотношение форм идеологии, транслированной из Византии в процессе христианизации русского социума, с автохтонной ценностно-поведенческой организацией, их совокупное влияние на основные идеи о власти и общественном порядке. На основании методологии В. Кожина анализируется отношение русской социокультурной идентичности к трём моделям организации социально-управленческого порядка: идеократической, номократической, идеократической.

Ключевые слова: *социальный порядок, власть, теономная мотивация, самодержавие, аристократия, семейно-родовое начало, система управления, идеократия, номократия, этократия.*

Введение

Постановка исследовательской проблемы. В ходе истории русских княжеств домонгольского периода, времён татаро-монгольского ига, а также централизации земель вокруг Московского княжества, происходит формирование комплекса представлений, оценок, моделей осмысления происходящих событий, обосновывающих социальный порядок, нравственный и сакральный смысл отдельных процессов, жизни различных

социальных слоёв и судьбы исторических личностей. Представление о сущности власти определяется средневековой мыслью при помощи механизма описания её происхождения. Вообще, эта черта является присущей средневековому сознанию как таковому: решать проблему сущности с помощью проблемы генезиса, замещая вопрос «что есть?» – вопросом «откуда пошло?» Вопросы о сущности власти, её функциональных пределах, о критериях, по которым наделяют властью или лишают её, раскрываются в представлениях об установках, которые соединяют персоны и власть как феномен социальный, философский, религиозный – в эпоху «начальных лет», в легендарном историческом прошлом.

Цель статьи. Проанализировать социально-управленческую идентичность социума средневековой Руси в свете основных социокультурных моделей – идеократической, этократической, номократической и выделить основные идеологические и этнокультурные традиции, которые определяли доминирование присущих им основ социального и культурного порядка для русского социума.

Объект. Тексты социально-политического и философско-мировоззренческого содержания, характеризующие социально-управленческую идентичность средневекового социума Руси и Византии.

Предмет. Социально-управленческая идентичность социума средневековой Руси, основные идеологические и этнокультурные традиции, сыгравшие формирующую роль в процессе становления средневекового русского социума и дальнейшем развитии общественно-значимых представлений о социальном порядке.

Степень научной разработанности. Статья опирается на теоретико-методологическое наследие С.С. Аверинцева и В.В. Кожина в области осмысления и характеристики социально-культурных идентичностей средневековья в целом, и определения

существенных, специфических черт, присущих русской социокультуре, поднятых в таких работах, как «Поэтика ранневизантийской литературы», «Византия и Русь: два типа духовности» (С.С. Аверинцев) и «История России и русского Слова. Современный взгляд» (В.В. Кожинов). В целом, история формирования социокультурной идентичности Руси, её доминирующих ценностей, специфического и злободневного для сегодняшнего дня социокультурного кода Руси, освещается в трудах классических русских историков и исследователей русской культурной традиции, таких как В.Н. Татищев, М.В. Ломоносов, Н.М. Карамзин, М.П. Погодин, С.М. Соловьёв, В.О. Ключевский, Н.И. Костомаров, Д.И. Иловайский, А.Д. Нечволодов, Ю.Г. Алексеев, Б.Д. Греков, Л.Н. Гумилёв, А.А. Зимин, М.К. Каргер, Д.С. Лихачёв, Н.И. Павленко, Б.А. Рыбаков, А.Н. Сахаров, Р.Г. Скрынников.

Две модели осмысления власти. Принимая во внимание общую подчинённость различных измерений средневекового мироотношения – доминирующей религиозной установке, значительное место здесь занимает *теономная мотивация*, то есть попытка рационального понимания того, почему Бог избирает человека к власти.

Социальная мысль, выражавшаяся в виде текстов историографического, историсофского, богословского, философского содержания, аккумулировала в себе определённый тип социально-управленческой практики, соответствовавшей эпохальной и цивилизационной идентичности, то есть социокультуре Руси домонгольского периода, периода золотоордынского ига и объединения русских земель вокруг Московского княжества. В своём объяснении власти, её генезиса, сущности, её сакрального статуса и предназначения, древняя и средневековая русская социальная мысль вырабатывала и опиралась

на две различные модели. Обе они с необходимостью опираются на этот теонормный компонент. Бог «присутствует» в обеих концепциях в качестве первичного и, что существенно, единственного истинного субъекта исторического процесса. Трансцендентная модель реализует православную систему представлений о Боге в свете принципов апофатического богословия; соответственно, порядок, цели, средства, которые действуют в универсуме истории, являются во многом тайной для человека, содержат в себе упорядоченность более высокого порядка, чем способности человеческого дискурсивного мышления. Всякий человек в этой модели призван к реорганизации собственной системности, к «угадыванию» и привлечению в себя – «извне» и «сверху» – требуемого норматива организованности. В этой модели Бог избирает человека к власти, но критерии избрания остаются за пределами «посюсторонней» человеческой способности судить и оценивать. Мироотношение такого рода не навязывает Божьему избранию никаких критериев, кроме Божьей воли. В то же время, другая модель рассматривает достаточно чёткие критерии, которым следует в Своей воле Бог: «простота», «праведный труд». Идеология здесь обращается к одной из компонент средневековой семиотики бедности, происходящей ещё от Евангелия. «В бедняках видели Божьих избранников, – «избранничество» должно было служить им своего рода моральной компенсацией за земные невзгоды» [1, с. 25] – характеризует эту ценностную категорию А.Я. Гуревич: «Бедняк, с точки зрения церковного учения, был одновременно и предметом сочувствия или сострадания и образцом для подражания, в нём воплощался существенный идеал Средневековья» [1, с. 27].

В средневековых представлениях о социальном порядке династический принцип наследования власти более присущ и непротиворечив именно для этой модели. Легитимности власти придаётся единичный сакральный импульс в легендарную эпоху

предков. Династия как принцип организации общественной деятельности и властвования более гармонично вписывается в «аристократическое», чем в «самодержавное» сознание. Самодержавие по самой своей природе является личностным процессом, оно может покрывать собою и реализовываться через отдельную личность, которая стоит наособицу от социального и родового контекста и за результаты несения этой избранности является подотчётной не перед той или иной социальной группой, пассионариями, реформатами, аристократами, которые её выдвинули в качестве своего ставленника, но перед Избравшим эту самую личность к власти. Аристократическое начало в общественной жизни неизменно опирается на личности и «славу» предков, на социальную группу, соединённую родовыми, профессиональными, экономическими, сословными связями. В качестве принципа устройства социального порядка аристократичность связана со стационарным, растянутым во времени процессом накопления властного ресурса, денег, земель, добродетелей и, как принято выражаться сегодня, компетенций. В то время, как самодержавие опирается на мистическую избранность её носителя, на верность ему и воплощаемой в нём идее общественной целостности – всех прочих членов социума без исключения, без какого-либо градации их места в социальной иерархии и без рациональной регламентации оснований этой верности.

Итак, система представлений о сущности и происхождении власти является существенной компонентой средневековой социальной действительности и характера её отображения в сознании различных социальных слоёв. Для древней и средневековой Руси характерно сосуществование двух вышеописанных моделей ответа на вопрос об онтологии власти. Наряду с существованием легенды о первичном народоправстве, в русской истории развивается концепция трансцендентности власти и

её предельного источника. Данная идеологема утверждается как следствие двух процессов русской истории: *развития централизованного государства*, что включало дифференциацию его функций, усиление роли внутренних центростремительных процессов и внешнеполитического авторитета, создание корпуса произведений культуры различных жанров, направленных на различные аудитории, обосновывающих идею единой великокняжеской власти и единства русских земель, и *становления русского православия* как главной когнитивно-ценностно-символической среды, определяющей сознание, поведение, жизнь народа. Существование трансцендентной концепции власти на Руси связано с процессом трансляции византийского культурного опыта. Для Империи ромеев эта концепция функционировала в качестве многомерной конструкции, детерминировавшей весь комплекс социальной действительности этой устоявшейся цивилизационной общности идеократического характера. Такая конструкция, одновременно смысловая и символическая, сохраняла устойчивость при дворцовых переворотах, мятежах, возглавленных царедворцами, полководцами и евнухами, при переходах высшей государственной власти от одной династии к другой, и сменах религиозного мировоззрения человека, увенчанного порфирой и обувшего красные сапоги – от веры в Отцов Церкви – к фанатичному иконоборчеству, и наоборот.

Однако, если на этом уровне, в системе *теономной мотивации* легитимности власти, ход развития социальной мысли и её запечатления в культурном бытии Руси движется в направлении усвоения духа и буквы византийского наследия, и их развития на собственной общественной почве, то анализ характера *общественной мотивации* принадлежности власти откровенно демонстрирует различие византийской и русской цивилизации, невозможность полного вписывания Руси в веки, поставленные

Византией. Для Империи перевешивают критерии, которые определяют законность принадлежности власти определённой персоне – статусом, согласно с его включённостью в конкретную административную конструкцию. При этом соответствующая символика не просто выступает как «сопутствующая» социально-нормативному функционированию статуса, но сама является нормативом, определяет провиденциальный статус данной персоны. Термин «порфиросный» функционировал с самого начала, по своему определению подчёркивая сакральность личности василевса. Однако эта сакральность не принадлежала его личности, субстанциально. «Порфира» налагается на него «извне», а не составляет элемент его человеческой сути. Г.Г. Литаврин и А.П. Новосельцев в комментариях к изданию сочинений Константина Багрянородного определяют: «Порфира (так же, как и порфиновый цвет) были символами императорской власти. В техническом смысле слова «Порфира» – особая комната в императорском дворце, традиционное место рождения детей правящих василевсов. «Багрянородный» – наследник, который родился в Порфире, когда отец его сидел на императорском троне» [2, с. 277].

Власть в такой системе отношений, какая господствовала в Империи ромеев, носила сугубо личностный, а не родовой характер. Однако это было не культом личности, это было культом особенного социального статуса, единственного во Вселенной, согласно церковно-догматическому пониманию отношений Главы единственной христианской империи и Господа. Рассматривая укоренённость принципов и тенденций византийской эстетики в нормах социального, исторического порядка Византии, опирающихся на восточно-христианскую метафизику власти, С.С. Аверинцев писал: «уже его рождение было введено в круг сакрально-политической обрядности, совершалось «по чину». И

здесь достоинство сана важнее, чем достоинство рода. Ромейский император хотел быть вовсе не «природным», а уж скорее сверхприродным государем, который всем обязан таинству своего сана, и сан его мыслится как реальность вполне трансцендентная по отношению к его «природе» и его роду – что в свою очередь связано со склонностью воплощённой в нём государственности осознавать и определять самое себя как трансцендентную по отношению к обществу» [3, с.18].

С другой стороны, история Византии содержит более чем достаточно примеров прихода к власти лиц «с чужой стороны», которые не принадлежали династии василевса, а впоследствии основывали династию собственную. Иногда их роль как для развития империи, так для торжества Христовой веры современникам или потомкам трудно было бы оценивать в положительных тонах. Это являлось одним из факторов, формирующих идеологию власти как реалии сугубо личностной и трансцендентной. «Выключенность» из привычного социального порядка, чужеродность, в известном смысле – лишённость истории собственного становления – сделались теми критериями, что определяли «неземную» сущность власти. Обратимся снова к Сергею Сергеевичу Аверинцеву. «Но позднеримские и ранневизантийские императоры сплошь да рядом приходили к трону именно «ниоткуда», из полной безвестности, как Диоклетиан, даже с чужбины, как Зинов, или Юстин, или Василий, и это не было ни исключением, ни вызовом; это оставалось в пределах нормы, заданной принципом [3, с.18]. И ещё: «Государь этой державы мог приходить «ниоткуда», ибо его власть действительно мыслилась данной свыше; и в любом случае власть эта принимала облик силы, приложенной к телу общества 'извне» [3, с.19]. В связи с этим жизненно важным для стабильности и жизнеспособности социума оказывался механизм, который точно так же закреплял сакральный

статус за персоной, которая получила «красные сапоги» путём государственного переворота. Таких императоров византийская историография именovala «тиранами», вслед за историографией древнегреческой не вкладывая в этот термин ничего одиозного и обозначая им лишь то, что его носитель держит единоличную верховную власть, не принадлежа к прежней династии и добившись главенствующей роли с применением насилия в отношении части социума. Я.Н. Любарский указывает в своих комментариях к «Продолжателю Феофана»: провозглашённый войсками новый император подлежал одобрению и ритуальной *аккламации* (славословию) со стороны Синклита и народа [4, с.269].

Сакральность сана обуславливает тот порядок, при котором общественное сознание ромеев никогда не забывает о существовании строгой границы между императором как отдельной общественно-значимой структурной единицей и императором как человеком. Это положение вещей со всей откровенностью формулируется в трактате «Продолжателя Феофана»: «И вот немедленное провозглашение, и в один день, в какие-то мгновения превратился Лев из частного лица в императора» [5, с.11].

В отличие от Византии, социальная действительность Руси формируется на фундамента других принципов построения общественных отношений и критериев их оценки. Для древнерусского социума семейно-родовая связь является основой общественной действительности, и это действует в обоих направлениях – и как главный мотив взаимовыручки, солидарности, товарищества, и как основа для размежевания и обострения вражды. Ведь именно верность семейному принципу послужила причиной дробления на уделы, установления системы местничества, развившей архетип князя-временщика, отделяющего свою судьбу и замыслы – от пользы и даже жизни жителей своего удела и своего града. Святослав Игоревич был первым князем, который наделяет

своих трёх сыновей разными княжествами, что приводит к их смертельной схватке и кладёт начало процессу феодального дробления, последние следы которого приходится более через шесть веков изживать царю Иоанну IV Васильевичу.

Поучительно рассмотреть в этом плане действия тех Великих князей Киевских, которые впоследствии вошли в историю благодаря своему прогрессивному вкладу в общественное, экономическое и культурное развитие древнерусского государства: Владимира Святославича, Ярослава Владимировича Мудрого и Владимира Всеволодовича Мономаха. Обладая незаурядными личностными качествами и ответственностью государственного деятеля, пройдя борьбу за великокняжеский престол и убедившись на собственном опыте в пагубности такого пути организации власти в государстве, каждый из них снова повторяет практику дробления русской земли на уделы между сыновьями, в прямом смысле наступая на те же грабли. Это возможно объяснить только тем, что семейно-родовое начало для русской общественной жизни и власти как одного из моментов такой жизни выступает в качестве императива, необходимого для исполнения вопреки любым другим факторам. Князья не совершили никакой «ошибки». Они просто не могли поступать иначе, действуя в границах правил и критериев социальной организации своего времени и своего жизненного мира. Легитимность власти мыслилась как неотрывная от родовой принадлежности, а родовое происхождение не просто давало право на власть, а в определённом смысле работало как механизм, который «включает» необходимость для конкретной личности в какой-то момент стать у власти. Только этим можно понять, почему инициаторами раздробленности на Руси становятся личности, проявившие себя как наиболее конструктивные в политическом и культурном плане. Характерно, что даже в сербском «Прологе» святая равноапостольная княгиня Ольга упоминается в своём

«родовом», а не надродовом, небесном статусе: «праматерь всех царей Русьских» (цит. по [6, с. 24]). Олег, вероломно убивая Аскольда и Дира, утверждает отсутствие у последних прав на власть в Киеве, опираясь на отсутствие их родовой связи с князьями Рюриком и Игорем: «Вы неста князя, ни рода княжа, но азь есмь княжа» [7, с. 36]. Значимость рода в качестве коренной категории упорядоченности социальной реальности подтверждается русскими летописями, в которые родовая характеристика переносится для обозначения социального статуса. Воина, входившего в дружину Свенельда, воеводы-викинга, состоящего на службе у Ярополка, князя Киевского, «Повесть временных лет» называет Свенельдичем, то есть сыном Свенельда [7, С.56]. Рогнеда, княжна Полоцкая, как известно, отказывается «разути рабычича», то есть отказывает в браке князю, упрекая его местом в социальной иерархии, принадлежащим его матери. Царь Иоанн IV Васильевич в своём письме князю Курбскому отстаивает легитимность своей самодержавной власти, приводя перечень Великих князей – своих прямых предков. Характерно то, что в этой формуле, кажется, впервые в русской истории прочерчивается линия преемства личностей русской истории, связь которых в деле образования централизованного русского государства, приращения его земель и защиты от иноземных захватчиков признаётся на протяжении всей истории научного исследования этих процессов, и сохраняется инвариантной, невзирая на политико-идеологические акценты, которые ставились различными эпохами. «Сего убо православия истиннаго Российскаго царствия самодержавство Божиим изволением почен от великаго князя Владимира, просветившего Рускую землю крещением, и великаго князя Владимира Мономаха, иже от грек высокодостойнейшую честь приимшу, и храбраго великаго государя Александра Невского, иже над безбожными немцы велию победу показавшаго, и хвалам достойнаго великаго

государя Дмитрия, иже за Доном над безбожными агаряны велию победу показавшаго, иже и до мстителя неправдам, деда нашего, великого государя Иоанна, и закосненным прародителства землям обретателя блаженныя памяти отца нашего великаго государя Василия, даже доиде и до нас, смиренных скиптродержателя Российского царства» [8, с. 12]. Таким образом, государственно-идеологическая и родовая нормативность определяются Иоанном IV как две стороны единого организма действия социального порядка, и его защиты.

Русь в контексте типологии моделей социального порядка.

Чем оказывается Древняя и средневековая Русь, если оценивать её особый способ упорядочения общественного бытия? Мы проследили ряд механизмов, включённых в систему общественных отношений и в систему древнерусского мировосприятия, которые формируют духовный характер осмысления народом – окружающей действительности: своеобразное синтетическое объединение трансцендентной и демократически-родовой моделей власти, связанных с осознанной теономной мотивацией и опосредованных идеологиями соответствующих социальных слоёв, критерии оценки легитимности власти как феномена, что несёт для средневекового сознания онтологический смысл. Попробуем теперь определить типологический характер древнерусской социальной реальности в качестве целостного духовного образования, идентифицировать его в соответствии возможных образцов, идеальных моделей, которые можно определить в средневековой действительности. В.В. Кожин, определяя Древнюю Русь в качестве особого духовного типа, который формирует определённый характер цивилизационного пути, приводит следующую типизацию «Византийскую империю вполне уместно определить как *идеократическое* (имея в виду власть православных идей) государство; между тем Западу принадлежит то, что следует

обозначить термином *номократии* – власть закона (от греч. *nomos* – закон); с этой точки зрения азиатское общество уместно обозначить термином *этократия* – от греч. *etos* – обычай» [9, с. 51]. Основываясь на такой типизации, попробуем понять собственное, специфически-характерное содержание социальной реальности Руси, а также остановимся более детально на том, какие конкретно культурные явления, стандарты формирования и оценки действительности, а также целостная духовная конституция лежат в основе этих моделей государственности.

Номократическая установка как основа для определённого типа государственности и для типа образования цивилизации, описывается С.С. Аверинцевым как отмеренная дистанция между индивидами на пространстве внеличностного закона: «сам по себе закон является внеличностным, равнодушным в отношении индивидов, которых он охватывает как нейтральное к телам «ньютоновское» пространство. Индивиды – «падшие», грешные, поэтому их нужно защищать одного от другого; вокруг каждого должна быть зона дистанции, которая образуется вежливостью, а их отношения регулируются договором... строго... оговариваются границы права ближнего на свои личные секреты» [10, с. 98].

В процессе своего влияния на формирование социальной действительности номократическая установка исходит из метафизики индивидуализма. Она направляет человеческие силы на формирование таких общественных отношений, которые в качестве цели утверждают автономную индивидуальность, ограждённую от посяганий извне, одинокую и самодостаточную. К тому же, основной ценностью является не индивидуальность сама по себе, не становление и усовершенствование её в качестве особого рода системы, входящей в систему более высокого порядка, но сам процесс «растягивания» вокруг неё отмеренной дистанции. Номократия как способ упорядочения социальной действительности

нацеливается на атомизацию и, если можно так выразиться, *вакуумизацию* социального пространства, в котором действует человек. Институализация социального пространства и функционирование образовавшихся социальных институтов в конце концов нацеливают свою работу на формирование такой модели, где особого рода социальные атомы, в роли которых пребывают объекты и субъекты деятельности *nomos'a*, являются помещёнными в социальный вакуум, который пресекает их непосредственное, недистанцированное взаимодействие. Совершенно прав Г.В.Ф. Гегель: «Несвободной, бездушной и бессердечной рассудочности римского мира мы обязаны возникновением и развитием положительного права» [11, с. 311]. В идеале номократического общества этот вакуум можно преодолеть только формулой закона, и только благодаря этому последнему способно реализоваться взаимодействие между людьми. Высшим критерием порядка является неприкосновенный статус такой дистанции. Иные формы существования упорядочения социума, такие, как идеи и ценности транс-индивидуалистического порядка, идеальный социальный строй, пробуждение и становление в человеке – духовности нового типа (в идеократии), или род, родовые, семейные отношения и обязанности (в этократии) – объявляются формой антигуманной репрессии и ставятся в положение зависимости и опосредованности единым абсолютным критерием порядка – существованием между индивидами дистанции, отмеренной законом.

Идеократическое государство руководствуется идеями, системой идеально-ценностных требований, то есть в основании её представления о порядке заложен императив следования высшему, транс-индивидуальному смыслу. Социум такого рода руководствуется императивами морального содержания, которые находят поддержку в лице государственной или контр-

государственной идеологии. Принципиальным является то, что идеократическое мироотношение не ограничивает провозглашаемую им систему идеологических стандартов – статусом исключительно политической, этической, одним словом, «посюсторонней» целесообразности. Идеократическое общество не оправдывало бы своего духовного предназначения, просто «не вышло бы» как общественный строй, если бы не стремилось придать своим идеологическим постулатам онтологический смысл. Если бы оно не рассматривало и не проповедовало свои ценностные ориентиры как единственно верные, как единственно соответствующие бытию социально-исторического, антропогенного и природного сущего. Никакое идеократическое общество не состоялось бы, если бы оно утверждало свои ценности в подлинном их статусе, в качестве разделяемых конкретной социальной группой, соответствующих её кругозору и преследующих её интересы, и в этом смысле относительных и приходящих. Как герой романа Виктора Пелевина поэт-декадент Пётр Пустота, современник Октябрьской революции, будучи в поиске рифмы слову «броневик», не находит ничего лучше, чем контрреволюционно-крамольное – «лишь на миг».

Так, система идеологии, философия, моральные требования, принятые в культуре Византии, несут для своей духовной среды необходимую значимость исключительно как продолжение в социальной структуре той онтологии, что следует вероучению и догматике православия. В идеократическом обществе действует та система неразрывности мирового бытия и социальных стандартов, которую просто и гениально выражает герой Достоевского: «Если Бога нет, то какой же я тогда капитан-исправник!?» Социальный стандарт обладает значимостью и обеспеченностью человеческим духовным ресурсом – общепризнанности, авторитета, императивности – только в контексте системы отношений, осознаваемой и реализуемой, «данной сверху», необходимой и

однозначной, поскольку необходим, однозначен и неизбежен природный миропорядок, ход и цель человеческой истории, Бог и Божья воля, излагаемая и толкуемая Церковью. Как отмечает В.В. Кожин, благодаря этому выражается как необыкновенная сила государства, построенного на основах идеократии, так и его слабость, практически мгновенный распад этого «колосса на деревянных ногах». Духовное величие, моральные требования, способы обосновать «земной» миропорядок, опираясь на императивы, которые выдвигает предельный горизонт, «предельный», потому что его существование и его содержание относится к фундаментальным началам сущего и одновременно с этим аккумулирует высочайшие нравственные требования, провозглашаемый идеологией как единственный, исключительный, тотальный – это всегда, пользуясь выражением философа Алкуина, учителя Карла Великого, поставлено, как свеча на ветру. «Для её краха достаточно было решительно дискредитировать руководящую идею (те же самые «самодержавие, православие, народность»), идеократическое государство – заведомо «рискованная» вещь» [9, с. 63-64].

Этими факторами объясняется состояние различных измерений общественного бытия такого государства, как тех, которые традиционно относят к её положительным характеристикам, так и тех, что относят к отрицательным. Государство, которое формируется по идеократическому принципу, преследует цели в известном смысле *надземные*, которые выходят за пределы функционирования общества «нормального», «законного» типа. Это определяет неупорядоченность, неорганизованность, второразрядность вещевого и бытового обустройства, в котором такое общество и государство часто бывает упрекаемо. *Необустроенность* является обратной стороной *необустроенности*, попытки в социальном устройстве преодолеть

обусловленность бытом и законом [9, с. 58]. Идеократическое государство – особый тип общественного порядка, в котором основными действующими персонажами, наряду с «Донкихотами», верящими «в слишком многое», являются «злые хозяева», которые, наоборот, «ни во что не верят» и избивают подпасков за спиной (или прямо на глазах) «благородных рыцарей» (приношу свои извинения за долгую игру с образами и известной сценой из бессмертного Сервантеса). Однако к числу наиболее парадоксальных искривлений идеократического устройства можно отнести тот случай, когда «благородный рыцарь» и циничный хозяин уживаются в одном человеке.

В основу идеократического общества закладывается идея, ради которой могут быть сняты любые дистанции между индивидами. Ради торжества царства истины, представленного в идеях той или иной доктрины, могут быть допущены какие угодно произвол и несвобода. При разрешении «проклятых вопросов», в чём именно и видит свою задачу идеократическое общество, это просто грех – занимать силы наведением какого-то комфорта или принимать во внимание чьи-то права на личное достоинство, свободу, жизнь. Ради рождения в человеке – духовности «нового образца» могут быть применены способы и смоделированы ситуации, разрывающие привычный характер человеческих взаимоотношений: парадоксы, притеснения, оскорбления, запугивание. Ради этого могут быть сняты какие-угодно формы вежливости, законности, корректности [10, с. 109]. С.С. Аверинцев приводит это как характерную черту межчеловеческих отношений, которые складываются в обществе восточного цивилизационного типа. Даос или дзэн-буддист использует обескураживающие ситуации и вопросы, буквально сбивающие с ног, когда стремится пробудить в ученике новое видение действительности. Православный иерарх, старец, святой способны становиться нелицеприятными, нецивилизованными с

точки зрения цивилизационных канонов уместного, стандартизированного поведения. Наибольшей остроты, носящей экзистенциальный характер, доходит такая методика в восточно-христианской духовной практике юродства. Не случайно это явление, имевшее широкое распространение в Византии, продолжится и получит широкое развитие в русском православии.

Уязвимость такого метода снятия «засора» между людьми заключается в том, что организованные таким образом межчеловеческие отношения раскрываются в двух направлениях. В такой духовной ситуации получает бóльшую возможность для самооправдания и утверждения – произвол, бескультурье, хамство, засилье «гартюфов», в данном случае более уверенных в собственных силах и правах на нарушение «мещанской морали», чем их западные аналоги. Такая уверенность опирается на то, что в идеократическом обществе их индивидуальный авторитет опирается на презумпцию *моральной ценности и востребованности бескультурья и хамства*. Второе направление развития линии этой кросс-индивидуальности выражается в том, что лишённость цивилизационных границ и условностей, наряду с бескультурьем и вседозволенностью, утверждает собственную модель порождения и развития нового духовного состояния. Отсутствие в интеракции законной дистанции функционирует как механизм, который отсекает «второразрядное» и актуализирует «основное», а, как писал Гегель в «Лекциях по философии истории», «принципом восточного мира является субстанциальность нравственного начала» [11, с.155]. Зачем придерживаться норм вежливости и строго соблюдать законы, если речь идёт об утверждении нового человека? Такая позиция неиндивидуалистических и неномистических целей и способов отношений является, как уже говорилось, делом весьма рискованным. Ведь, проповедуя определённый нигилизм в отношении закона и индивида в качестве его атомарного субъекта и

инстанции, наиболее заинтересованной в законности (коллектив, организация, будучи в своём естественном, сбалансированном, состоянии, разумеется, тесно связанным с различными формами существования законности, в экстраординарных обстоятельствах может автономизироваться от них, прибегая к санкции, выраженной словами В.В. Маяковского: «но если в партию сгрудились малые...»), эта социальная модель оказывается совершенно беззащитной от подделок и стилизаций под такого рода практику. Поскольку при ней возможен и широко применим обход закона и норм человеческого достоинства как *сверху* (путём подъёма личности до уровня над-персональных моральных требований), так и *снизу* (путём бескультурья и «святого» произвола). К этому последнему пути «обхода» норм закона и уважения к личностному бытию применим вывод, данный Гегелем: «Нравственные определения выражены как законы, но так, что субъективная воля подчинена законам как внешней силе, что нет ничего внутреннего, нет ни убеждений, ни совести, ни формальной свободы, и поэтому законы соблюдаются лишь внешним образом и существуют лишь как право принуждения» [11, с.155]. Воспроизведение нового характера упорядоченности здесь является предельной целью бытия как личности, так и общества. Человек и человеческая общность представляются двумя полями для формирования нового духовного состояния, на которых реализуется творческая способность идеократической модели.

Этократия, общество, построенное на принципе верховной власти обычая, обуславливает отнесение той области, откуда берутся ценности, критерии упорядоченности, оценки общего и индивидуального – в прошлое. В качестве положительного социального поведения предписывается следование моделям, которые были выработаны предками.

Номократия как система стандартов социальной действительности, которая формируется благодаря утверждению за законом роли высшего гаранта упорядоченности исторической действительности вплоть до охвата всего сущего, не соответствует эмоционально-психологическим и нравственным чертам древнерусского социума. Её отторжение происходит в русской истории со стороны двух её мировоззренческих доминант.

Во-первых, главенствующая роль закона является недопустимой, исходя из идейных позиций восточного христианства. Не случайно первый текст, который открывает для Руси традицию профессионального философствования и является вдохновлённым христианской верой и догматическими положениями, «Слово о Законе и Благодати» Киевского митрополита Илариона, откровенно проводит эту мысль: «Како Законъ отиде, Благодать же и Истина всю землю исполни...» [12, с. 22]. Как это широко известно из истории его культурологической, богословской, историко-политической интерпретации, в качестве документа средневекового христианского дискурса, ему присуща целая череда измерений для толкования. Его ведущие символы вписываются в картину православного мироотношения, исходя из различных позиций интерпретации: как отображения библейских сюжетов, как понятия православного богословия, как аллегорического выражения современных для автора конфессиональных и межгосударственных отношений и, наконец, как конструкции философского мировидения, выдвинутые молодым русским православием. Действительной областью должного, эталоном бытийственной упорядоченности, согласно которого надлежит организовываться всему «положительному» в «земной», исторической реальности, выступает Божья Благодать, Любовь, Истина как целостный, нерасчлняемый процесс, который вбирает в себя, подчиняет себе все человеческие житейские

измерения, как определённое экзистенциальное состояние, которое утверждается вопреки необходимости и Закона. «Законъ бо предътеча бе и слуга Благодати и Истине; Истина же и Благодать слуга будущему веку, жизни нетленней» [12, с. 22].

Если толковать текст на плоскости межгосударственных отношений и критериев их упорядоченности, складывается следующая картина. Согласно с Законом, под которым можно подразумевать, во-первых, благочестие, регламентированное священными текстами и каноном ритуального поведения, самодостаточную и самоизолированную веру в сакральность обряда, что предписывается Ветхим Заветом, во-вторых, Закон Моисея как очерченную в темпоральном и смысловом плане целостность Божьего Откровения и, наконец, в-третьих, человеческую, посюстороннюю справедливость, Византия в сравнении с Русью обладает неизмеримо более значительным авторитетом в деле решения религиозных и государственных вопросов. Однако «земная» мораль, мораль Закона, те отношения, которые регламентируются исключительно критериями, что воздают каждому согласно суровым законам справедливости, «око за око, зуб за зуб», благодаря Христовой жертве были отодвинуты в качестве единого, тотального порядка в бытии. Иларион отдаёт дань уважения «Благоверьнии земли Гречьске, христолюбиви же и сильни верою, како Единого Бога въ Троици чтуть и кланяются» [12, с. 18]. Однако акт принятия Русью христианства ставит князя Владимира на один уровень с апостолами Христовыми, а Русь как духовную организацию выводит из безусловного ведения законного, людского суда об авторитете и справедливости, сводимого к приоритетам в сфере геополитических отношений: «Съвлечежеса убо каганъ нашъ, и съ ризами ветхаго человека, съложи тленнаа, отрясе прахъ невериа и вълезе въ святую купель и породися отъ Духа и воды» [12, с.19].

Во-вторых, номократия отрицается также главенством традиции, которая базируется на родовой санкции взаимоотношений. Закон действует как механизм организации, санкционирования и поддержки порядка, который лишает человека, функционирующего в социуме, его конкретного, личностного содержания. Субъект социальной организованности такого типа в идеале предстаёт как лишённый собственного облика носитель прав и обязанностей, вне компетенции которых человек является абсолютно непроницаемым и сугубо абстрактным. Это недопустимо как для власти идеологии, в свете которой одной из главных целей выступает проникновение и распространение именно в конкретно данную духовную сущность человека, так и для семейственно-родового принципа организации отношений в социуме. Для социальной прото-философии Древней Руси, которая понимает род как одну из главных категорий упорядоченности сущего и критериев положительной оценки действий члена социума, активным субъектом в нём выступал человек во всей конкретности своего существования.

Таким образом, социальную действительность Руси правомерно обозначить как синтез, образуемый механизмами идеократии и этократии. Общество формируется в идеократическом направлении по мере проникновения в различные измерения духовно-практической жизни онтологических, политических, этических, эстетических конструкций, выработанных византийской цивилизацией. «Россия, подобно Византии, сложилась как идеократическое государство» – пишет В.В. Кожин, и определяет православное мироотношение как основу для характерного всей русской духовности системы идейной оценки действительности: «после своего принятия христианство становится на Руси детерминирующим и всепроникающим стержнем бытия» [9, с.58].

Выводы. Образ духовности, который складывается на Руси и определяет для неё систему действующих общественных стандартов, невозможно свести целиком к трансляции византийского наследия. Тяготение к *небоустроенности*, поиск абсолютных духовных стандартов – эти интенции мироотношения, глубоко характерные для Византии, получают на Руси самостоятельное развитие. В качестве примера можно привести смягчение, тяготение к родственному, в особенности к материнскому началу, которое происходит с пространственной семантикой Священного Писания, когда её образы попадает в строки народной религиозной поэзии, описанное в шестой главе. Параллельно к этому, на уровне общественной практики, рядом с механизмами осмысления и отношения к власти, пришедшими из Византии, действуют уже совсем другие конструкции. В обеих социокультурных системах значительную роль играют подобные интенции к сакрализации власти, к её связыванию с небесным, потусторонним, апофатическими компонентами отношения к личности властителя, его избранности, поведению и ответственности перед Господом. Это детерминировано ключевым значением христианской метафизики как для византийской, так и для русской цивилизации. Однако для Византии провиденциально-значимым является статус человека в системе, который накладывается на личность. Чин оправдывает, носит функции морального и сакрального санкционирования деяний, но оправдывает он скорее сам себя, а не человека, который его носит. Василевс есть безусловно сакральная фигура, однако святость места не снимает грехов с человека, носящего порфиру. Только этим можно пояснить парадоксальное соседство в византийской историографии двух несоединимых, казалось бы, элементов: неприкрытой идеологической нагрузки, детального перечисления всяческих чудес и иных аргументов, свидетельствующих о богоизбранности

василевса – и достаточно правдивых рассказов обо всех их слабостях, ошибках, прегрешениях. Просто общественное мироотношение ромеев относит эти два корпуса исторического знания к различным смысловым областям, между которыми для них существует достаточно широкая дистанция. Священным, как комментирует это С.С. Аверинцев, является государство, а не личность [13, с. 92].

В то же время, для Руси основным механизмом легитимности власти и одним из главных гарантов упорядоченности социальной действительности является род. Обращает на себя внимание факт несомненно большего приоритета династической идеи для Руси и, как следствие, для Московского царства, в сравнении с византийской державой, также, как и с её предшественницей – Римской империей. Две последние модели государственности не нуждались ни в такой крепкой связи с династическим принципом, ни в таком строгом закреплении за ним религиозно-нравственного приоритета. Тогда как для Руси род, родственность является одной из главных конструкций космического характера социальной действительности, то есть соединяющей в себе порядок и гармонию, рациональность, благочестие и благолепие. Идея и реальность рода реализует эти качества для Руси их в тотальном, вселенском охвате.

В Древней Руси идеократия, пришедшая из Византии, встречает автохтонные структуры восприятия и образует с ними уникальный социокультурный синтез. По мере развития в русской культуре и системе общественных отношений – символов, ценностей, моделей поведения восточного христианства и православной империи, начала идеократии укрепляются и усложняются в качестве целостной системы государственной идеологии и получают завершённый вид в царствовании Иоанна IV Васильевича. Однако и в его собственном политическом мировоззрении, и в памятниках его

эпохи приоритет рода продолжает проявлять устойчивость как самостоятельная и важная категория социального порядка.

Список литературы

1. Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. – М.: Искусство, 1990. – 395 с.
2. Константин Багрянородный. Об управлении империей. – М.: Наука, 1989. – 493 с.
3. Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. – М.: CODA, 1997. – 432 с.
4. Любарский Я.Н. Сочинение Продолжателя Феофана. Хроника, история, жизнеописание? С. 201-266 / Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей. – С-Пб.: Наука, 1992. – 352 с. – (Литературные памятники).
5. Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей. – С-Пб.: Наука, 1992. – 352 с. – (Литературные памятники).
6. Горський В.С. Святі Київської землі. – К.: Абрис, 1994. – 176 с.
7. Повесть временных лет черноризца Феодосьева монастыря Печерскаго откуду есть пошла Руская земля <...> и хто в ней почаль первее княжити, и откуду Руская земля стала есть / Изборник. Сборник произведений древней Руси. – М.: Художественная литература, 1968. – 800 с. – (Библиотека всемирной литературы. Серия первая. Том 15).
8. Первое послание Ивана Грозного Курбскому / Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. – М.: Наука, 1981. – 432 с.
9. Кожинов В.В. История России и русского Слова. Современный взгляд. Серия «Актуальная история России». – М.: «ЧАРЛИ», 1997. – 528 с.
10. Аверинцев С.С. Византия и Русь: два типа духовности. Статья вторая. С. 78-112 / Новый мир. – 1988. – № 9.
11. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. – С-Пб.: Наука, 1993. – 480 с.
12. Иларион. Слово о Законе и Благодати С. 16-28 / Красноречие Древней Руси (XI-XVII вв.). – М.: Советская Россия, 1987.
13. Аверинцев С.С. Византия и Русь: два типа духовности. Статья первая. С. 68-94 / Новый мир. – 1988. – № 7.

Лустенко Андрей Юрьевич – доктор философских наук, профессор кафедры социологии и социальных технологий ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», Член-корреспондент Российской академии естествознания, почётный работник сферы образования Российской Федерации, заслуженный деятель науки и образования.

E-mail: aulustenko@yandex.ru

Lustenko A.Ju.

THE SOCIO-MANAGERIAL IDENTITY OF MEDIEVAL RUSSIAN SOCIETY

The article examines the process of coexistence in the culture and social thought of medieval Russian society of two models of understanding power, its ontological foundations and forms of expression: immanent (democratic, aristocratic, generic) and transcendent (autocratic, personal). The article reveals the correlation of the forms of ideology transmitted from Byzantium in the process of Christianization of Russian society with the autochthonous value-behavioral organization, their combined influence on the basic ideas about power and social order. Based on the methodology of V. Kozhinov analyzes the relationship of Russian socio-cultural identity to three models of organization of the social and managerial order: ideocratic, nomocratic, and ideocratic.

Key words: social order, power, theonomic motivation, autocracy, aristocracy, family origin, management system, ideocracy, nomocracy, ethocracy.

Lustenko Andrey Yurievich – a Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Sociology and Social Technologies at the Lugansk State University named after Vladimir Dahl, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Honorary Worker of Education in the Russian Federation, and Honored Scientist and Educator.

E-mail: aulustenko@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 14.08.2025

УДК 327.8 (575)

Новиков А. А.

ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКИЙ РЕГИОН КАК ПОЛЕ БОЛЬШОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИГРЫ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ И СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

В статье анализируются основные тенденции этнополитических процессов в Центрально-Азиатском регионе в контексте трансформации региональной безопасности. Рассматривается влияние внешних акторов и внутренних факторов нестабильности на формирование рисков для национальной безопасности России. Обосновывается необходимость комплексного подхода к оценке этнополитических угроз в условиях изменения геополитического баланса сил.

***Ключевые слова:** Центральная Азия, геополитика, международные отношения, ислам, региональная субъектность, евразийский синтез.*

Актуальность. За последние годы Центрально-Азиатский регион приобретает всё более выраженное значение в системе международных отношений. На стыке экономических интересов, энергетических маршрутов и стратегических амбиций крупных держав его всё чаще называют «полем большой политической игры». Неравномерное экономическое развитие и сложная этническая структура создают благоприятные условия для вмешательства внешних акторов.

Понятие «большой политической игры» традиционно ассоциируется с борьбой держав за влияние в Центральной Азии в XIX веке, прежде всего между Российской и Британской империями [1, с. 66]. В условиях XXI века оно приобретает совершенно новое

значение: усиливается многополярность, возрастает роль Китая, а также активизируются Турция, США и Европейский Союз. Центральная Азия оказывается в центре противоречий между традиционной сферой влияния России и новыми геополитическими притязаниями других государств.

В то же время региональные особенности – многообразие этнического состава, религиозная специфика, социально-экономическая неустойчивость – формируют внутренние предпосылки нестабильности, которые используются внешними игроками для достижения собственных целей. Эти факторы в совокупности определяют актуальность научного анализа Центральной Азии как арены столкновения интересов ведущих мировых держав.

Для Российской Федерации происходящее в регионе имеет не абстрактное, а вполне практическое значение. Миграционные процессы, сотрудничество в энергетической сфере, общая система безопасности и борьба с транснациональными угрозами напрямую влияют на внутреннюю устойчивость и развитие российской государственности. Поэтому анализ ситуации в Центральной Азии важен не только с научной точки зрения, но и как основа для выработки эффективных решений в сфере внешней и внутренней политики России.

Цель статьи. Анализ этнополитических рисков Центрально-Азиатского региона и их влияние на национальную безопасность Российской Федерации, а также выявление факторов, способствующих формированию конфликтного потенциала региона.

Объект исследования. Этнополитические процессы и конфликты в Центрально-Азиатском регионе, влияющие на геополитическую и национальную безопасность России.

Предмет исследования. Совокупность политических, этнических и социально-экономических факторов, определяющих

динамику этнополитических конфликтов и рисков Центральной Азии в контексте интересов Российской Федерации.

Степень научной разработанности. Проблематика этнополитических конфликтов и рисков в Центральной Азии рассматривалась в трудах отечественных и зарубежных исследователей, таких как О. Г. Карпович, И. П. Добаев, К. П. Курылев, А. А. Казанцев, З. Э. Мирсамадов, В. Д. Камынин и других. Учёные отмечают, что геополитические изменения в регионе напрямую связаны с процессами национального самоопределения, трансформацией границ и ростом внешнего влияния на внутренние политические процессы.

Результаты исследования. Как известно, Центральная Азия представляет собой регион, включающий пять постсоветских государств: Казахстан, Киргизию, Узбекистан, Таджикистан и Туркмению. В трудах англо-американских классиков геополитики – Х. Маккиндера и Н. Спикмэна – этому региону отводится особая роль. Согласно их концепциям, Центральная Азия является важнейшей частью так называемого «римлэнда» – «внутреннего полумесяца», или «окраинной земли». Именно здесь, по их мнению, сталкиваются интересы двух противоположных цивилизационных моделей: «теллуократии» (сухопутной цивилизации) и «талассократии» (морской цивилизации), ведущих борьбу за контроль над «хартлэндом» – «сердцевинной земли», то есть над Евразией в широком смысле [2, с. 64-65]. Таким образом, уже в классической геополитической мысли Центральная Азия рассматривалась не как периферия, а как ключевая зона мирового соперничества.

Если в XIX веке «большая игра» ассоциировалась с соперничеством России и Великобритании, то с 1990-х гг. ситуация стала куда более многополярна. К традиционным центрам силы

добавились новые акторы, и каждый из них преследует в регионе собственные стратегические интересы.

В советскую эпоху Центральная Азия потеряла самостоятельность как геополитический субъект, но сохранила стратегическое значение в рамках евразийского пространства. Этот исторический опыт определил и современную зависимость политических систем региона от централизованных моделей управления.

Абсолютно новый этап внешнеполитического развития государств Центральной Азии связан с распадом СССР. Вновь образовавшиеся государства стремились развивать с другими государствами равноправные политические и экономические отношения. За короткий срок они установили дипломатические отношения со всеми государствами мира, стали членами ООН, других международных организаций, подписали сотни межгосударственных договоров и соглашений, вступили в торгово-экономические связи с более чем 140 странами мира [3, с. 80-81]. Однако активное включение в систему международных отношений происходило на фоне незавершённости процессов внутреннего государственного строительства.

Как отмечает исследователь И. П. Добаев, «практически во всех государствах региона сложились авторитарные и неопатримониальные режимы». Аналогичную позицию разделяет авторитетный отечественный политолог А. Б. Крылов, указывая, что хотя «в действительности во всех постсоветских государствах присутствуют все обязательные атрибуты западной демократии: парламент, политические партии, общественные, неправительственные и правозащитные организации, всеобщее избирательное право; продекларирована приверженность принципу разделения властей и т.п., но при этом все это имеет декоративный характер, мало влияет на реальный механизм функционирования

власти и на повседневную жизнь общества» [4, с. 42]. Данное наблюдение, на наш взгляд, в полной мере применимо и к странам Центральной Азии: ограниченность политической конкуренции, зависимость институтов от исполнительной власти и кланово-олигархическая структура управления существенно снижают уровень реальной демократизации. В этих условиях внутренние противоречия, унаследованные ещё со времён СССР, сохраняют конфликтный потенциал. Произвольно проведённые в советский период границы способствовали формированию очагов межэтнической напряжённости, особенно в районах с перекрещивающимися ареалами проживания народов. В ряде случаев это приводит к обострению споров из-за водных ресурсов и неравномерного их распределения между странами региона [2, с. 42-43].

На сегодняшний день можно выделить ряд ключевых направлений геополитического противоборства в регионе.

Особого внимания заслуживает политика Китая, который в последние десятилетия занял особенно активные позиции. Его инициатива «Один пояс – один путь» делает Центральную Азию важнейшим звеном транспортных маршрутов, ведущих в Европу и на Ближний Восток. Вложения в инфраструктуру и энергетику позволяют Пекину укреплять своё присутствие, а для стран региона это, с одной стороны, возможность модернизации, но с другой – риск зависимости от китайских кредитов и инвестиций [1, с. 68].

Россия традиционно играет ведущую роль в вопросах безопасности и политического взаимодействия. Участие ряда государств Центральной Азии в ОДКБ и ЕАЭС закрепляет эти связи. Россия остаётся главным партнёром и в военной сфере, и в вопросах регулирования миграции. Преимущественно сырьевой характер экономики стран рассматриваемого региона, стагнация промышленного производства, сокращение рабочих мест ведут к

мощным миграционным процессам, в первую очередь, в Россию, что чревато появлением и укреплением этнических анклавов в наиболее развитых регионах РФ [4, с. 42]. Для миллионов жителей региона работа в России – важный источник дохода, а значит, российский фактор здесь не только политический, но и социальный. Однако вместе с тем наблюдается постепенное размывание монополии России: государства Центральной Азии диверсифицируют внешнеполитические связи, стремясь минимизировать риски чрезмерной зависимости.

Сохраняется и интерес Запада, прежде всего США. Несмотря на определённое снижение активности по сравнению с 1990-ми – 2000-ми гг., западные страны продолжают использовать механизмы «мягкой силы» и поддерживать энергетические проекты [5, с. 127]. В современных условиях США и ЕС чаще выступают не в качестве доминирующей силы, а как балансирующий фактор, позволяющий государствам региона укреплять собственную субъектность на фоне усиления России и Китая.

Нельзя не отметить усиливающееся влияние Турции, которая опирается на культурно-цивилизационные и этнолингвистические факторы. Политика Анкары в регионе носит многослойный характер: от мягкой силы через образовательные и культурные проекты до институционального оформления в рамках Организации тюркских государств [6, с. 197]. Фактически Турция позиционирует себя как альтернативный центр силы, способный объединить тюркоязычные народы на принципах исторической близости и культурного родства. На наш взгляд, именно турецкий вектор может стать наиболее динамичным в ближайшие десятилетия, поскольку он сочетает в себе идеологическую привлекательность тюркской солидарности с прагматичными экономическими интересами и поддерживается целенаправленной государственной политикой Анкары. При этом дальнейшее укрепление турецкого присутствия

будет зависеть от способности Анкары не перейти грань между культурным лидерством и геополитическим вмешательством, что станет определяющим фактором устойчивости её позиций в регионе.

Еще одним фактором, определяющим интерес крупнейших держав к Центральной Азии, стала популяризация там ислама. Рост влияния ислама на жизнь и политику республик региона объясняется тем, что после распада Советского Союза население центральноазиатских государств стало больше интересоваться национальной культурой, частью которой является ислам. Таким образом, идеологический вакуум, образованный после отхода от советской коммунистической идеологии, был заполнен близкими народам Центральной Азии «по духу» догматами исламской религии [3, с. 87]. Однако, если смотреть глубже, то это явление следует понимать не просто как религиозное возрождение, а как комплексный процесс переосмысления идентичности власти в условиях утраты прежних идеологических ориентиров. После десятилетий государственного атеизма в советский период ислам в Центральной Азии вернулся не только как вера, но и как механизм восстановления исторической памяти. Это естественный ответ на «духовный вакуум» и на попытку выстроить собственную идеологию, независимую от постсоветских центров силы.

Тем не менее, важно подчеркнуть амбивалентный характер этого процесса. С одной стороны, ислам способствует социальной консолидации, формирует чувство принадлежности к общему цивилизационному пространству, помогает укреплять традиционные ценности, что особенно значимо на фоне социальных трансформаций и внешнего давления. С другой стороны, религиозное возрождение часто используется политическими элитами инструментально – для укрепления собственной легитимности и мобилизации населения. В ряде случаев это приводит к гибридизации светской и религиозной риторики, где

ислам превращается в элемент государственной идеологии, а не только духовной культуры.

Кроме того, нельзя игнорировать геополитическое измерение исламского фактора. Турция, Саудовская Аравия, Иран и Пакистан – все они рассматривают Центральную Азию как пространство культурного влияния. Таким образом, религиозное возрождение становится ареной идеологического соперничества внутри самого исламского мира, что придаёт региону новое геостратегическое измерение.

Ключевое значение имеет вопрос внутренней субъектности стран Центральной Азии. За последние годы наблюдается постепенная эволюция – от реактивной позиции по отношению к внешним влияниям к активному формированию самостоятельных стратегий. Казахстан последовательно реализует политику сбалансированного внешнего курса, сочетая участие в интеграционных структурах под эгидой России (ОДКБ, ЕАЭС) с активным взаимодействием с Китаем, Западом и мусульманским миром [7]. Эта стратегия отражает стремление Астаны позиционировать себя в роли посредника между Востоком и Западом, а также гаранта стабильности на евразийском пространстве.

В Узбекистане поворот к активной внешней и внутренней политике начался после прихода к власти Шавката Мирзиёева в 2016 г., что обусловило постепенный отход от изоляционизма эпохи Каримова. Новое руководство поставило задачу либерализации экономики, улучшения инвестиционного климата и укрепления добрососедских отношений, что позволило Узбекистану стать одним из ключевых центров регионального взаимодействия [8, с. 83].

Таджикистан и Киргизия, напротив, вынуждены концентрировать внимание на проблемах внутренней устойчивости и социально-экономического выживания. Для Душанбе приоритетом

остаётся обеспечение политической стабильности и контроль над приграничными территориями, особенно в контексте угроз, исходящих из Афганистана. Киргизия же демонстрирует нестабильную политическую динамику, характеризующуюся частыми сменами власти и высоким уровнем общественной мобилизации, что делает её одним из самых демократичных, но при этом наименее предсказуемых государств региона [9].

Туркмения сохраняет традиционную политику нейтралитета, что позволяет ей минимизировать вовлечённость во внешнеполитические конфликты и сосредоточиться на сохранении внутреннего контроля и экономического суверенитета [10, с. 4-5]. Такой нейтралитет, однако, имеет и обратную сторону – ограниченность международного сотрудничества и слабую интеграцию в региональные процессы.

В совокупности эти тенденции свидетельствуют о постепенном формировании региональной субъектности Центральной Азии, где каждая страна стремится реализовать собственную модель устойчивости – от прагматичного балансирования Казахстана до осторожного реформизма Узбекистана и изоляционистской стабильности Туркмении. Это разнообразие политических траекторий не ослабляет, а напротив, отражает поиск оптимальной формулы существования региона в условиях многополярного мира.

Геополитическая ситуация осложняется целым рядом внутренних вызовов: нерешённостью вопросов делимитации и демаркации границ, межэтническими конфликтами, институциональной слабостью государственных систем, социально-экономической неустойчивостью. Эти факторы формируют внутренний «пласт нестабильности». Таким образом, внутренние и внешние факторы не просто сосуществуют, а взаимно усиливают друг друга, создавая предпосылки для воспроизводства «большой политической игры» уже в условиях XXI века.

Несмотря на сохраняющуюся конкуренцию внешних игроков, постепенно вырисовывается тенденция к переосмыслению роли самих государств Центральной Азии в системе международных отношений. Если в конце XX – начале XXI века регион воспринимался преимущественно как объект борьбы за влияние между Россией, Китаем, США, Турцией и другими государствами, то в последние годы наблюдается рост субъектности центральноазиатских стран, их стремление выступать в качестве самостоятельного центра силы. Эта трансформация связана не только с экономическим развитием, но и с осознанием культурно-цивилизационного потенциала региона, способного предложить миру альтернативную модель взаимодействия, основанную на диалоге и балансе интересов.

Выводы. В долгосрочной перспективе Центральная Азия действительно может стать пространством «нового евразийского синтеза», где пересекаются интересы Востока и Запада, а многовекторность постепенно превращается из вынужденной стратегии выживания в инструмент формирования собственной модели регионального развития. Подобный синтез предполагает не механическое объединение различных влияний, а выработку уникальной системы политических, экономических и культурных взаимодействий, основанной на балансе интересов и сохранении суверенитета.

Ключевым элементом становится стремление региональных элит к консолидации на основе общих культурных и экономических интересов. Центральноазиатские государства, при сохранении политического разнообразия и различий в уровне экономического развития, все активнее ищут внутренние механизмы интеграции – будь то в сфере энергетики, логистики, цифровизации или обеспечения коллективной безопасности. В этом проявляется стремление превратить Центральную Азию из арены внешнего

соперничества в субъект, способный самостоятельно определять своё стратегическое развитие.

Однако путь к такому синтезу не будет простым. На сегодняшний день в регионе сохраняются значительные противоречия, связанные с экономическим неравенством, конкуренцией за ресурсы, различиями в политических моделях и внешнеполитических ориентирах. Тем не менее, именно способность стран Центральной Азии к самостоятельному определению своей роли в мировой политике станет критерием зрелости региональной субъектности. Если регион осилит перейти от политики адаптации к политике проактивного подхода к стратегическому планированию, где гибкость внешнеполитических решений превратится не в форму зависимости, а в инструмент осознанного выбора, то можно будет говорить о становлении подлинного евразийского синтеза – новой модели, в которой гармонично сочетаются элементы Востока и Запада, традиции и модернизации, национальной идентичности и глобальной открытости.

Список литературы

1. Карпович О. Г., Шангараев Р. Н., Центральная Азия в контексте современной геополитики на евразийском пространстве // Социально-политические науки. – 2021. – Т. 11. – № 6. – С. 65-72.
2. Мирсамадов З. Э., Геополитические интересы России в Центральной Азии // Oriental Journal of History, Politics and Law. – 2022. – №2. – С. 63-69.
3. Егоров Д. В., Роль Центральной Азии в мирополитической системе. «Большая игра» в Центральной Азии в XXI в // Россия и мусульманский мир. – 2013. – №12 (258). – С. 80-88.
4. Добаев И. П., Центральная Азия в перекрестье геополитических напряжений // Россия и мусульманский мир. – 2023. – №4 (330). – С. 37-49.

5. Кокошин А. А., Кокошина З. А., Об основных направлениях внешнеполитической стратегии США в Центральной Азии // современная Европа. – 2022. – №6 (113). – С. 126-139.

6. Петров Н. Д., Турция как проводник национальных и интернациональных интересов в Центральной Азии // Постсоветский материк. – 2024. – №3 (43). – С. 191-201.

7. Хунцзян Ч., Перспективы развития Казахстано-Китайских отношений в новых геополитических реалиях // Известия Восточного института. – 2023. – №1 (57). – С. 147-155.

8. Мамажонов С. С., Глубокие реформы и новая стратегия развития Ш.М. Мирзиева: реализация и ее основные проблемы // Казанский вестник молодых учёных. – 2021. – Т. 5. – № 5. – С. 83-89.

9. Блищенко В. И., Проблемы независимой Киргизии и интересы России // Обозреватель – Observer. – 2020. – №4 (363). – С. 78-87.

10. Бабаев Г., Нейтралитет Туркменистана: история, значение и перспективы // Наука и мировоззрение. – 2025. – №38. – С. 1-5.

Новиков Алексей Алексеевич, аспирант 1-го (курса) года обучения кафедры государственного управления, ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет им. В. Даля», г. Луганск.

E-mail: alex11n1@mail.ru

Novikov A.A.

***THE CENTRAL ASIAN REGION AS A FIELD
OF THE GREAT POLITICAL GAME: GEOPOLITICAL
SITUATION AND SPECIFIC FEATURES***

The article analyzes the main trends of ethnopolitical processes in the Central Asian region in the context of the transformation of regional security. It examines the influence of external actors and internal factors of instability on the formation of risks to Russia's national security. The necessity of a comprehensive approach to assessing ethnopolitical threats under the changing geopolitical balance of power is substantiated.

Key words: *Central Asia, geopolitics, international relations, Islam, regional subjectivity, Eurasian synthesis.*

Novikov Alexey Alekseevich, Postgraduate (1st year), Department of Public Administration, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Lugansk State University named after. V. Dalya", Lugansk.

E-mail: *alex11n1@mail.ru*

Статья поступила в редакцию 26.08.2025

УДК 32

Попова Т.С.

ТИПОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА

В данной статье представлен обзор основных типологий политического лидерства, существующих в современной политической науке. Проанализированы ключевые критерии классификации, предложенные различными авторами, включая типы лидерства, основанные на источниках власти, стилях управления, ценностях и ориентации на последователей. Статья выявляет сильные и слабые стороны каждой типологии, а также исследует их применимость к анализу различных политических систем и исторических периодов.

Ключевые слова: лидер, политическое лидерство, лидерские качества, архетип, типология политического лидерства, харизма.

В современном мире политическое лидерство играет ключевую роль в формировании политической системы, определении направления развития государства и общества в целом. В наши дни роль политических лидеров невозможно недооценить: именно они во многом определяют облик политической системы, задают вектор движения государства и оказывают значительное влияние на развитие социума. Вопрос лидерства приобретает особую остроту и актуальность в политике – сфере, где сталкиваются и переплетаются интересы различных групп населения, где разворачивается драма соперничества и альянса между политическими фигурами, их сторонниками и оппонентами. В различных государствах влияние политических лидеров, безусловно, велико, но при этом не является абсолютным и всепроникающим фактором в жизни общества.

Политическое лидерство представляет собой явление, отличающееся глубиной и многоаспектностью, и оно весомо воздействует на динамику общественных процессов и вектор развития политической сферы. Раскрытие содержания этого термина подразумевает анализ нескольких основополагающих компонентов, которые проливают свет на природу и значение политических деятелей в нынешних реалиях глобального мира.

Актуальность темы продиктована динамикой политической жизни, эволюцией моделей лидерства и потребностью в детальном анализе того, как лидеры воздействуют на ход политических процессов и формируют общественное мнение. В эпоху глобализации, стремительного развития IT-технологий и колоссального влияния средств массовой информации перед политическими лидерами встают беспрецедентные задачи, что делает актуальным пересмотр устоявшихся концепций анализа их видов и характерных черт. Отсутствие всестороннего исследования многогранности политического лидерства и чёткой классификации его типов осложняет осмысление того, как оно сказывается на устойчивости и эволюции политических систем, а также на балансе между демократическими и авторитарными тенденциями в обществе.

Методы исследования. Прежде всего, осуществляется детальный обзор научных трудов – как российских, так и зарубежных авторов, посвящённых рассматриваемой проблематике. Кроме того, проводится сопоставление разнообразных концепций, касающихся типологии политического лидерства. Благодаря комплексному применению данных методов удаётся не только упорядочить уже имеющиеся знания, но и обнаружить актуальные тренды, характерные для современных политических лидеров.

Объектом исследования в данной работе является политическое лидерство как социально-политический феномен,

включающий в себя разнообразные формы и типы поведения руководителей, их взаимодействие с обществом и институтами власти.

Предметом исследования выступает типология политического лидерства и его особенности, что позволяет систематизировать существующие подходы и выявить новые аспекты этого явления.

Цель исследования – провести анализ типологии политического лидерства и раскрыть характерные черты, чтобы существенно расширить представления о данном социальном феномене.

Степень научной разработанности. Политическое лидерство выступает в роли важнейшего элемента в системе осуществления политической власти и в значительной степени формирует специфику и вектор развития политических процессов. Именно фигуры политических лидеров играют решающую роль в формировании политического курса и процессе принятия ключевых решений на различных уровнях управления. Успех в деятельности лидеров, их умение налаживать диалог с разнообразными общественными слоями и широким кругом граждан определяют то, в каком направлении будет двигаться общество в будущем.

Современная политическая наука предлагает множество концепций и методов для анализа феномена политического лидерства, что обусловлено многогранностью и запутанностью современной политической реальности. В наши дни особенно востребовано исследование условий и обстоятельств, способствующих реализации процессов интеграции. При этом особый интерес представляет изучение политического лидерства как инструмента, способного сплачивать общество – данная проблематика пока не получила достаточно глубокого освещения в работах как отечественных, так и зарубежных учёных.

В политической сфере зачастую создаётся впечатление, что

действия и проявления личностей непредсказуемы и хаотичны. Однако при более глубоком рассмотрении обнаруживается, что в поведении участников политического процесса существуют определённые тенденции и закономерности. Это открывает возможности для применения концепции социально-политических типов при анализе политического процесса и классификации политических деятелей [1].

Политическая жизнь, несмотря на свою сложность и многогранность, обладает структурой и упорядоченностью. Анализируя её, можно выявить взаимосвязи между различными элементами и реакциями, которые проявляются в действиях политических лидеров. Благодаря этому удаётся определить ключевые характеристики, влияющие на характер и направление их деятельности.

Политическое лидерство – это вид политической деятельности, представляющей собой процесс взаимодействия, в ходе которого одни люди (лидеры) знают и выражают потребности и интересы своих последователей и в силу этого обладают престижем и влиянием, а другие (сторонники лидеров) – добровольно отдают им часть своих властных полномочий для осуществления целенаправленного представительства и реализации собственных интересов.

Давайте рассмотрим ключевые классификации лидерства, которые получили распространение в первой половине XX века и послужили фундаментом для последующих теорий о типах лидеров и стилях руководства [2].

Вариант типологии Е.С. Богардуса:

- авторитарный (в сильной организации),
- демократический (представитель интересов группы),
- исполнительный (в состоянии выполнить какую-либо работу),

-рефлексивно-интеллектуальный (неспособный руководить большой группой).

Вариант Ф.С. Бартлетта:

- институциональный тип (лидер вследствие престижа занимаемой позиции);

- доминирующий (получает и сохраняет позицию с помощью силы и влияния);

- убеждающий (оказывает влияние на настроения подчиненных и побуждает к действиям).

С. С. Кичело идентифицировал уникальный тип лидера, который не обладает формальным статусом, но при этом оказывает огромное влияние на общество. Такой лидер получил название «пророк». В периоды исторических потрясений и неопределённости пророки появляются на общественной арене и, завоёвывая симпатию и доверие окружающих, превращаются в олицетворение движения, которое сами же и запускают.

Ф. Редл полагал, что динамика групповых процессов, которая формируется под влиянием как организационных, так и эмоциональных аспектов, всегда связана с одним из девяти фундаментальных образов личности. В рамках его теории эти образы олицетворяются такими фигурами, как патриарх, лидер, тиран, объект привязанности, объект враждебности, организатор, искуситель, герой и образец для следования. Примечательно, что последний архетип может нести в себе как добродетельные, так и порочные черты.

Вариант Дж.В. Гетцеля и Е.Г. Губа:

1) «законодательное (nomothetic) лидерство», когда в общественных системах деятельность оценивается с точки зрения норм, опираясь на установленные роли и связанные с ними ожидания.

2) «идеографическое лидерство», в рамках которого индивидуальные потребности и склонности людей становятся основой для формирования характеристик коллективной работы.

3) «синтетическое лидерство», содействующее урегулированию споров между противоборствующими сторонами.

Вариант В. Белла, Р.Дж. Хилла и СВ. Миллза:

-«формальный» (на официальных постах);

-«известный» (считается влиятельным в обществе);

-«влиятельный» (реально оказывающий влияние);

-«общественный» (активно участвующий в самодеятельных организациях).

Вариант М. Вебера (рис. 1):

Рис. 1. Типы политических лидеров

1. Традиционная легитимность. В её фундаменте – твёрдо укоренившееся в сознании людей представление о незыблемости и сакральности древних обычаев, а также о законности положения

правителя. Покорность в этом случае превращается в проявление личной преданности и вытекает из давно сложившихся правил и обязательств. Лидерство в такой системе носит традиционный характер.

2. Рационально-легальная легитимность. В основе всего – убеждённости в разумности и справедливости действующих норм и правил, а также в легитимности положения руководителя, который занял свой пост, соблюдая все предписанные процедуры. Подчинение руководителю становится возможным благодаря существованию чёткой и объективной системы управления, не зависящей от чьих-либо личных симпатий и антипатий. Взаимодействие с властью в данном случае осуществляется через официально утверждённые механизмы управления организацией. Такая модель часто реализуется в рамках бюрократических структур.

3. Харизматическая легитимность. В её основе – эмоциональное отношение к руководителю, которое строится на глубокой преданности, восхищении его выдающимися качествами, подвигами и моральным авторитетом. Люди поддерживают установленные им правила и устои, потому что верят в его уникальные способности и чувствуют исходящую от него притягательную силу. В их глазах такой лидер предстаёт как великая личность, способная вести за собой массы [3].

Харизма лидера зачастую рассматривается через призму двух существенных характеристик. Первая из них – это своеобразная пропасть, разделяющая лидера и его сторонников: чем ощутимее эта пропасть, тем весомее его воздействие на окружающих. Вторая характеристика заключается в наличии особых качеств, способных пробудить в последователях сильные эмоции и зажечь в них пламя энтузиазма.

Существует несколько ключевых концепций, объясняющих природу харизмы:

- её можно воспринимать как символический механизм, помогающий преодолеть внутренние разногласия и конфликты;
- она может функционировать как щит, оберегающий от внешнего воздействия и давления посредством демонстрации определённой напористости и решительности;
- харизма способна лечь в основу образа лидера, наделённого теми чертами, которые позволяют людям реализовывать свои стремления и мечты.

Любопытно, что все эти трактовки в большей степени фокусируются на внешних аспектах, не связанных напрямую с личностью лидера. В их основе лежит довольно прямолинейное противопоставление фигуры лидера и его последователей, а также исследование разнообразных моделей их взаимоотношений.

В западном политическом научном дискурсе широкое распространение получил подход, который анализирует типологию лидерства через призму функций и ролей. Американская исследовательница М. Дж. Херманн классифицирует политических лидеров на четыре категории: «знаменосцы», «пожарные», «служители» и «торговцы». Если обратиться к интерпретации российских учёных и взять за базу концепцию В. П. Пугачёва, то можно дать такую характеристику этим типам:

- «Знаменосцы» – это политические деятели, которые вдохновлены определённой идеологией и стремятся трансформировать существующий политический уклад в соответствии со своими убеждениями и видением идеального государственного устройства.
- «Пожарные» – лидеры, которые оперативно реагируют на актуальные проблемы и вызовы, возникающие в обществе. Они быстро оценивают ситуацию и предпринимают действия, чтобы

устранить наиболее острые и насущные трудности, с которыми сталкивается их электорат.

- «Служители» – политические фигуры, которые позиционируют себя как защитников и представителей интересов своих избирателей. Они эффективно работают в стандартных условиях, стремясь реализовать чаяния и потребности населения. Обладают умением убеждать и доносить свои идеи до последователей, делая их привлекательными и понятными.

- «Торговцы» – лидеры, обладающие особым даром презентации своих идей и программ. Они мастерски убеждают граждан в привлекательности и выгоде своих предложений, побуждая людей «приобрести» их концепции и поддержать их реализацию [4].

Г. Лассуэлл разработал классификацию политических лидеров, основываясь на их роли и стремлениях в политическом пространстве. В рамках своей системы он выделил несколько ключевых типов: «агитатор», «администратор» и «теоретик». При этом Лассуэлл отмечал, что в реальности эти типы могут переплетаться и сочетаться друг с другом. Особое внимание учёный уделял изучению того, как неосознаваемые факторы воздействуют на карьерный путь представителей каждого типа и лежат в основе формирования устойчивых политических образов, или архетипов.

Так, «агитаторы» нацелены на то, чтобы вдохновлять и побуждать людей к активным действиям. Они совершенствуют своё ораторское мастерство, оттачивают формулировки и невербальные приёмы общения, а также систематически и почти церемониально повторяют ключевые тезисы [5].

«Администраторы», в свою очередь, ориентируются на более конкретные и близкие им объекты. Они занимаются управлением определённой группы людей и стараются сохранять объективный подход к целям и задачам организации.

«Теоретики» же отличаются стремлением к масштабным и тщательно продуманным целям. В отличие от «агитаторов», которые ориентированы на быстрые результаты, «теоретики» мечтают о значительных достижениях. Иногда для них важнее сам процесс разработки идей, что может создавать определённые трудности в общении с их последователями.

В своих исследованиях Д. В. Ольшанский изучает феномен лидерства, представляя лидера как специфический субъект, который занимает ключевую позицию в коммуникативном процессе и конструирует взаимоотношения на базе принципа иерархии — «доминирование — подчинение». Учёный проводит глубокий анализ основных инструментов, с помощью которых создаются и поддерживаются подобные иерархические связи, и в результате выделяет три основополагающих типа лидеров [6].

Среди инструментов формирования иерархических отношений Ольшанский выделяет следующие: определение нормативных рамок, создание ценностной системы и демонстрация образцов поведения. На этой основе он классифицирует лидеров следующим образом:

- Лидер-организатор – такой лидер структурирует взаимодействие в группе, внедряя ясные правила и нормы, которые регулируют поведение участников. Благодаря этому он эффективно управляет балансом между доминированием и подчинением в коллективе.

- Лидер-демонстратор – этот тип лидера контролирует иерархические отношения, предлагая и популяризируя определённые поведенческие шаблоны, которые служат примером для остальных членов группы и задают вектор их поведения.

- Лидер-аксиолог – данный тип лидера выстраивает иерархию, прививая подчинённым определённую систему ценностей. Ценностные ориентиры становятся фундаментом для

взаимодействия внутри группы и определяют характер взаимоотношений между её участниками.

Ольшанский указывает на то, что при исследовании феномена лидерства учёные чаще всего выбирают один из трёх направлений анализа. Часть исследователей тщательно изучает управленческие и организаторские способности лидера, другие уделяют основное внимание ценностной составляющей лидерства, а третьи рассматривают лидера как образец для подражания.

Исходя из этого, можно с уверенностью утверждать, что существуют лидеры, которые гармонично сочетают в себе черты организатора, аксиолога (эксперта в области ценностей) и образца для следования. Такие личности представляют собой промежуточные типы лидеров [7].

Дж. М. Берне предлагает анализировать типологию лидерства, фокусируясь на характере взаимоотношений между лидерами и их сторонниками, принимая во внимание разницу в их властных ресурсах и мотивационных драйверах. Он определяет два ключевых типа взаимодействия: «трансформационное» и «трансдейственное».

«Трансформационное лидерство» характеризуется тем, что взаимодействие между лидером и последователями стимулирует рост их внутренней мотивации, что, в свою очередь, влияет на их поведенческие модели и систему ожиданий. В этой модели лидер не ограничивается ролью простого руководителя – он становится ментором, помогающим своим подопечным выработать новые стимулы, ценностные ориентиры и жизненные цели. В итоге под его влиянием сотрудники демонстрируют более высокий уровень вовлечённости и эффективности в работе.

Суть «трансформационного лидерства» заключается в том, что, несмотря на возможные разногласия в исходных интересах, участники способны сплотиться вокруг значимой, высокой цели. Для реализации общих замыслов лидер и его сторонники должны

будут существенно изменить своё поведение и по-новому взглянуть на собственные приоритеты.

Можно выделить несколько разновидностей «трансформационного лидерства»:

- Интеллектуальное лидерство – это специфический способ реагирования на проблемы, с которыми сталкивается общество. Оно объединяет аналитический подход с видением нормативных идеалов. Такое лидерство рождается внутри социума, а катализатором, который помогает превратить общественные потребности в чёткие интеллектуальные ориентиры, выступает конфликт. В качестве примеров интеллектуальных лидеров можно привести таких исторических деятелей, как Максимилиан Робеспьер, Джеймс Мэдисон, Вудро Вильсон и Франклин Делано Рузвельт.

- Реформаторское лидерство отличается тем, что его представители не отвергают существующие социально-политические системы, а берут их за основу для внесения изменений. Такой подход часто ведёт к постепенным, сбалансированным преобразованиям в работе действующих институтов. В результате глубокие изменения осуществляются политиками, которые стремятся к модернизации, не выходя за рамки реализуемых реформ.

- Революционное лидерство базируется на абсолютной преданности избранному курсу, чётком понимании своего исторического предназначения, внимании к нуждам и стремлениям широких народных масс, а также на идее общности. Эта форма лидерства включает в себя представление о совершенном облике будущего общества и отличается категоричным, чёрно-белым восприятием действительности.

- Героическое (харизматическое) лидерство строится на глубокой и незыблемой вере сторонников в своего лидера. Эта вера

не зависит от его личных качеств, опыта или идеологических убеждений. Характерные черты такого лидерства: уверенность последователей в способности лидера преодолеть любые трудности и разрешить кризисные ситуации; их готовность в тяжёлые времена вручить ему власть; активное и эмоциональное выражение поддержки со стороны народа (например, через бурные овации или массовые письма). При этом между лидером и его сторонниками нет никаких противоречий и разногласий [8].

В своей концепции «трансдейственного лидерства» Берн выделяет несколько ключевых подтипов, каждый из которых имеет свои особенности и задачи:

- Лидерство мнений. Этот подтип предполагает работу с общественным мнением: лидер выявляет и анализирует желания и потребности людей, собирает разрозненные точки зрения и упорядочивает их, чтобы в дальнейшем они могли быть полноценно представлены в рамках избирательного процесса.

- Групповое лидерство. Здесь взаимодействие строится таким образом, что учитываются интересы как руководителя, так и коллектива. Лидер помогает группе чётко сформулировать свои потребности, выразить ожидания и определить требования. Это позволяет ему выйти за пределы роли лидера узкой группы и превратиться в представителя интересов более обширного круга людей.

- Партийное лидерство. В этом случае основная задача лидера заключается в объединении различных ресурсов – социальных, экономических, психологических и прочих – для того, чтобы удовлетворить потребности и ожидания своих последователей.

- Законодательное лидерство. Лидер в данном контексте выполняет функцию регулятора: он отслеживает ситуацию, анализирует её и принимает меры для устранения возникающих противоречий и конфликтов [9].

Выводы. В условиях современного мира, где вызовы и возможности меняются очень быстро, способность к адаптации и умение сочетать различные подходы к лидерству становятся важнейшими факторами успеха. Настоящее исследование внесло вклад в понимание многогранности феномена политического лидерства, предложив систематизированный обзор существующих типологий. Анализ выявил как общие черты, так и существенные различия между различными классификациями, что подчеркивает необходимость дальнейшей теоретической разработки концепции лидерства. Достигнутые результаты подтверждают актуальность и практическую значимость исследования, подчеркивают необходимость дальнейших исследований, а также позволяют сосредоточиться на эмпирической проверке предложенных типологий, изучении влияния социокультурных факторов на формирование и восприятие различных стилей лидерства.

Список литературы

1. Блондель Ж. Политическое лидерство. М., 1992.
2. Фонарев А.В. Особенности и основные типы политического лидерства [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-i-osnovnye-tipy-politicheskogo-liderstva>
3. Слизовский Д.Е. 2003. Политическое лидерство: методологические проблемы исторической интерпретации – [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskoe-liderstvo-metodologicheskie-problemy-istoricheskoy-interpretatsii/viewer>
4. Херманн М. Стили лидерства в формировании внешней политики / М. Херманн // Политические исследования. – 1991. – № 1. – С. 91-98.
5. Типология и функции лидерства [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://studizba.com/lectures/psihologiya/psihologiya-politicheskogo-liderstva-i-politicheskikh-elit/18172-tipologiya-i-funkcii-liderstva.html>.
6. Типология политического лидерства [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://studfile.net/preview/2805608/page:16/>.

7. Фадеева Л. А. Политическое лидерство в современном мире: учебное пособие / Л. А. Фадеева, М. А. Старкова; Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Электронные данные. – Пермь, 2020. – 144 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/uchebnie-posobiya/politicheskoe-lid-erstvo-v-sovremennom-mire.pdf>.

8. Политическое лидерство, его типы и признаки – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://pro.zaochnik.com/spravochnik/obschestvovedenie/politicheskaya-sistema/politicheskoe-liderstvo-vidy-priznaki-tipy/>

9. Современные типологии политических лидеров. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://document.wikireading.ru/85845>

Попова Татьяна Сергеевна, аспирант кафедры государственного управления, ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

E-mail: goldsnake1428@mail.ru

Popova T. S.

TYPOLOGY OF POLITICAL LEADERSHIP

This article provides an overview of the main typologies of political leadership that exist in modern political science. It analyzes the key classification criteria proposed by various authors, including types of leadership based on sources of power, management styles, values, and follower orientation. The article identifies the strengths and weaknesses of each typology and explores their applicability to the analysis of different political systems and historical periods.

Keywords: *leader, political leadership, leadership qualities, archetype, typology of political leadership, charisma.*

Popova Tatyana Sergeevna, postgraduate student of the Department of Public Administration, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Lugansk Vladimir Dahl State University», Lugansk People's Republic, Lugansk

E-mail: goldsnake1428@mail.ru

Статья поступила в редакцию 11.09.2025

УДК 32.019.5

Проценко А. В.

ФЕНОМЕН «HISTOTAINTMENT» В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ: РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье рассматривается феномен «histotainment» как синтез исторического знания и развлекательных медиаформатов. Анализируются его генезис, уходящий корнями в феномен «инфотейнмента», и ключевые характеристики: ориентация на массовую аудиторию, использование трансмедийных нарративов и эмоционального вовлечения. Выявляются основные риски, связанные с данным феноменом, такие как вульгаризация истории, манипуляция исторической памятью и ее коммерциализация. Параллельно обосновывается значительный просветительский потенциал «histotainment», способный повысить вовлеченность аудитории в изучение прошлого. Делается вывод о диалектической природе феномена, представляющего собой единство вызовов и возможностей для современной исторической культуры.

Ключевые слова: *histotainment, публичная история, историческое сознание, историческая память, инфотейнмент, коммерциализация истории, историческое просвещение, цифровая культура.*

Актуальность. Актуальность исследования «histotainment» обусловлена его растущим влиянием на формирование общественно-политического и исторического сознания в цифровую эпоху, особенно в контексте массового восприятия отечественной истории, где вопросы аутентичной передачи прошлого имеют высокую общественную значимость.

Цель статьи. Комплексный анализ феномена «histotainment» (исторического развлекательного контента) как фактора

формирования и трансформации общественного сознания, направленный на выявление ключевых рисков и перспектив данного процесса для современных обществ.

Объект исследования. Общественное сознание в его историческом измерении (историческое сознание), подверженное влиянию современных медиаформатов.

Предмет исследования. Феномен «histotainment», его механизмы воздействия на общественное сознание, а также связанные с этим воздействием социально-политические риски и возможности (перспективы).

Степень научной разработанности проблемы. Проблематика находится на стыке нескольких исследовательских полей, что определяет ее комплексный характер. Предметный системный анализ феномена в рамках обозначенной проблематики в отечественных и западных источниках практически отсутствует, однако исследования исторической памяти и политики памяти (М. Хальбвакс, А. Ассман, П. Нора, А. Миллер, О. Малинова) предоставляет теоретический фундамент для понимания того, как конструируются нарративы о прошлом и как они используются различными акторами для достижения политических и идеологических целей. Это ключевой контекст для анализа рисков «histotainment».

Пробел в исследованиях и научная новизна предлагаемой статьи заключается в системном политико-коммуникативном анализе «histotainment» именно в контексте общественного сознания. Если отдельные аспекты (медийные, исторические) изучены, то их синтез с фокусом на выявление конкретных рисков (например, эрозия критического мышления, усиление исторического нигилизма или, напротив, мифологизация прошлого) и перспектив (повышение исторической грамотности, развитие эмоционального

интеллекта, укрепление гражданской идентичности) представляет собой актуальную исследовательскую задачу.

Результаты исследования. Современная культурная ситуация характеризуется интенсивной медиатизацией прошлого, что порождает комплексные формы его репрезентации, находящиеся на стыке науки, образования и индустрии развлечений. Одним из наиболее репрезентативных феноменов в этой области является «histotainment» – термин, образованный от слияния английских слов «history» (история) и «entertainment» (развлечение). Под ним понимаются способы презентации исторического материала, которые используют развлекательные форматы, нарративные стратегии и разнообразные медийные платформы для привлечения широкой аудитории, преследуя как образовательные, так и коммерческие или идеологические цели [1, С. 30-31].

Генезис термина и стоящего за ним явления уходит корнями в более широкий медийный феномен – «инфотейнмент» («infotainment»), который возник в 1980-е годы в США как ответ информационной индустрии на растущую конкуренцию за внимание аудитории. Термин начал активно использоваться в 1980–1990-х годах в американских телепередачах, где новости стали преподносить в развлекательном формате для увеличения рейтингов. Ключевой характеристикой инфотейнмента является «апелляция к эмоциям» зрителя через подбор материала и способ его подачи, что нередко приводит к упрощению сложных тем, переносу внимания с событий на личности и снижению доли серьёзной политической информации в пользу культурных и социальных тем.

Таким образом, инфотейнмент, возникший как ответ медиаиндустрии на информационную перегрузку и борьбу за рейтинги, характеризуется синтезом информационной и развлекательной функций, смещением акцента с анализа событий на

персонализацию и эмоциональное воздействие. «Histotainment» наследует основные черты инфотейнмента, применяя их к репрезентации прошлого. Например, «трансмедийное повествование», где единая история рассказывается через разные платформы и форматы (комиксы, игры, фильмы, сериалы), создавая сложный и иммерсивный мир, демонстрируя механизмы увлекательного повествования о прошлом (даже вымышленном) [2]. Также свойством и признаком феномена можно считать т.н. «цифровой фольклор», где история, часто псевдоисторическая или мифицирующая прошлое, распространяется в интернете, копируясь без существенных изменений и вызывая у читателя эмоции страха и любопытства [3, С. 5-7].

Таким образом, «histotainment» можно определить как способ презентации исторического материала, который использует развлекательные форматы, нарративные стратегии и медийные платформы для привлечения широкой аудитории, ставя перед собой как явные (образование, просвещение), так и скрытые (коммерческие, идеологические) цели.

Для понимания механизмов воздействия феномена на массовое общественное сознание необходимо обратиться к его структуре. Оно традиционно разделяется на два уровня. Первый уровень традиционно занимает обыденное сознание, которое формируется стихийно, основано на традициях, личном опыте и эмоциях; для него характерны поверхностность, опора на здравый смысл и консерватизм. Теоретическое сознание же создаётся профессионалами, носит системный, доказательный характер и стремится к постижению сущности явлений. Именно обыденный уровень, в котором доминирует общественная психология (чувства, настроения, иллюзии), наиболее восприимчив к эмоциональному воздействию, манипулятивным технологиям и упрощённым нарративам, которые являются частыми спутниками «histotainment».

При этом не стоит понимать обыденное сознание как некую негативную, социально неодобряемую и безусловно вредную альтернативность теоретическому сознанию. Оно является неотъемлемым атрибутом современного общества. Выражаясь словами К. Маркса: «Необходимо взглянуть на современное общество исходя не из возможностей, а из действительности» [4, С. 34].

В ситуации информационного перегруза и медиаконкуренции сложное теоретическое знание вытесняется из массового поля, уступая место продуктам, специально разработанным для воздействия на обыденное сознание.

Анализ феномена «histotainment» с критической точки зрения позволяет выявить ряд серьёзных рисков для аутентичного понимания и сохранения исторического наследия. Среди них можно выделить следующие:

1) Вульгаризация и упрощение исторического знания. Стремление к развлекательности и доступности неизбежно ведёт к редукции сложных исторических процессов, многопричинных событий и неоднозначных личностей до уровня простых бинарных оппозиций ("хорошие" против "плохих") и увлекательных, но поверхностных сюжетов. Многофакторность событий, противоречивость мотивов исторических акторов и длительные социально-экономические трансформации сводятся к личным интригам, схематичным противостояниям «добра и зла» или детективным загадкам. Это порождает удобные, но далекие от реальности мифологемы, формируя у аудитории «клиповое» историческое сознание, неспособное к критической работе с источниками и контекстом. Таким образом, вместо понимания истории в общественном сознании укореняются иллюзии о ней, поверхностные оценки без глубинного погружения в контекст,

нарушаются причинно-следственные связи и многообразие интерпретаций [5, С. 159-161].

2) Манипуляция историческими нарративами и формирование "удобной" памяти» [6, С. 156]. «Histotainment» становится мощным инструментом формирования общественного мнения и исторической памяти, который может быть использован в идеологических или коммерческих целях. Создавая эмоционально заряженные, но исторически неточные образы прошлого, можно манипулировать массовым сознанием, оправдывать те или иные политические действия, замалчивать неудобные факты или героизировать определённые группы. К примеру, как подчеркивает Пьер Нора, долгое время то, что называли во Франции «национальной памятью», было ни чем иным, как захватом, опровержением, затоплением основной исторической памяти видоизменяющими ее воспоминаниями отдельных групп, ведь даже воспоминание о правительстве Виши не связывалось в первую очередь с антисемитским законодательством и с ответственностью французского государства за депортацию и уничтожение [7, С. 392].

Российское общественное пространство также служит яркой иллюстрацией этого процесса. Как показало масштабное исследование информационных кампаний в соцсетях (2014-2020 гг.), тема Великой Отечественной войны стала полем ожесточенной символической борьбы и искусственного конструирования, искажения обыденного исторического сознания россиян. Были выявлены скоординированные кампании по продвижению нарративов, дискредитирующих роль СССР: распространение тезисов о «равной ответственности» СССР и нацистской Германии за развязывание войны, об «оккупационной» политике СССР в Восточной Европе (с прямой проекцией на современную Россию), а также активное использование уничижительного термина «победобесие». Эти кампании, как отмечают исследователи, часто

иницировались иностранными аккаунтами и были направлены на подрыв национальной идентичности, основанной на памяти о Победе [8]. Опрос ВЦИОМ (2022) фиксирует, что 53% россиян замечали случаи умышленного искажения истории, причем 18% связывали это именно с событиями Второй мировой войны [9].

3) Коммерциализация и диснеификация истории. Прошлое превращается в «товар», который нужно продать, историческая достоверность приносится в жертву кассовым сборам, рейтингам и популярности. Это приводит к историческому китчу и созданию мифов, которые заслоняют собой подлинное историческое знание в массовом сознании. Классический пример – протесты жителей парижского Монмартра против «диснеификации» их района. Местные жители жалуются, что уникальная богемная атмосфера квартала уступила место массовому туризму: магазины для жителей (пекарни, мясные лавки) исчезают, их заменяют сувенирные лавки и кафе для туристов, а повседневная жизнь поглощена толпами, делающими селфи, и экскурсионными группами [10]

4) Коммодизация истории. Объективация прошлого в логике массовой культуры неотделима от процесса коммодизации – превращения образа того или иного исторического периода в продукт массового спроса. процесс постижения подменяется актом узнавания [11, С. 290].

При этом, стоит отметить, что несмотря на очевидные риски, «histotainment» обладает значительным образовательным и просветительским потенциалом, который может быть конструктивно использован в отечественной практике. Феномен несет в себе как и явно выраженные угрозы так и вызовы-возможности. Конструктивные подходы к его использованию могут способствовать повышению мотивации и вовлечённости учащихся.

Вовлечение через нарратив и образ позволяет аудитории не только узнать, но и эмоционально «пережить» исторический опыт,

что способствует формированию более личностного и осмысленного отношения к прошлому. Интерактивные и развлекательные форматы способны пробудить живой интерес к истории у той аудитории, которая остаётся равнодушной к традиционным учебникам и лекциям. Использование игр, иммерсивных шоу, комиксов и тематических квизов превращает изучение истории из скучной обязанности в увлекательное приключение.

Кроме того, можно аргументированно предполагать, что это явление становится сегодня не только вызовом для классической исторической науки, для политологии, социологии, но и стимулом для академического сообщества. Массовый спрос на исторический контент создает вызов и возможность для профессиональных историков активнее участвовать в публичном диалоге, осваивая новые медийные языки и форматы, что ведет к развитию самой дисциплины.

Таким образом, феномен «histotainment» является неотъемлемой чертой современной цифровой культуры и её взаимодействия с прошлым и представляет собой диалектическое единство угроз и возможностей для современной исторической культуры. С одной стороны, он несет в себе опасности вульгаризации, манипуляции общественным сознанием и тотальной коммерциализации прошлого. С другой – предлагает эффективные, технологически актуальные форматы для генерации интереса к истории и ее популяризации. Задача академического сообщества и институтов просвещения заключается не в отрицании этого феномена, а в выработке критического подхода к его продуктам и конструктивном использовании его потенциала для создания достоверных, но при этом увлекательных форм диалога с прошлым. Будущее исторического знания в публичной сфере видится в поиске баланса между научной строгостью и коммуникативной эффективностью.

Список литературы

1. Popp S., Schumann, J., Hannig, M. Histotainment' by popular history magazines: The edutaining design of history and its challenges for media critical history education. // In *History and Edutainment* Wochenschau Verlag. (Yearbook of the International Society for History Didactics, Vol. 36.). 2015. – P. 29-52).
2. Миловидов, С. В. Трансмедийное повествование как текст в сфере массмедиа XX-XXI веков [Электронный ресурс] // Наука телевидения. – 2014. – Т. 11. – С. 278–289. – URL: <https://www.academia.edu/37917379/>.
3. Захарченко Н. А. Инфотейнмент в современных массмедиа: учебное пособие / Н.А. Захарченко, Т.В. Карелова. – Самара: Издательство Самарского университета, 2020. – 88 с.
4. Богданов В.В. Экзистенциальный характер обыденного сознания человека в информационную эпоху Учебное пособие. – Таганрог: Издательство ТТИ ЮФУ, 2007. – 221с.
5. Тойнби А. Постижение истории Сборник / А. Дж. Тойнби; Перевод с англ. Е. Д. Жаркова; [Предисл. В. И. Уколовой; Послесл. Е. Б. Рашковского]. – Москва : Прогресс, Культура, 1996. – 606 с.
6. Robert A. Rosenstone, Confessions of a Postmodern Historian, in A. Munslow (ed), *Authoring the Past: Writing and Rethinking History*, Routledge, London, 2012, p. 149-166.
7. Нора, П. Всемирное торжество памяти [Текст] / Пьер Нора ; пер. с фр. Марии Сокольской // *Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа* : [сб.]. / ред.-сост. 2-го изд. М. Габович. – М. : Новое литературное обозрение, 2005. – С. 391-402.
8. Великая Отечественная война. Фальсификация истории. Манипуляции в социальных медиа [Электронный ресурс] // *Материалы исследования*. – Крибрум. – М., 2020 г. – Режим доступа: <https://www.kribrum.ru/upload/buklet.pdf>.
9. Фальсификация истории и как с ней бороться? Данные социологического исследования [Электронный ресурс] // *Официальный сайт ВЦИОМ* – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/falsifikacija-istorii-i-kak-s-nei-borotsja>

10. Жители Монмартра против избыточного туризма [Электронный ресурс] // МАНГУСТ. Сайт Ассоциации Православных Экспертов. – Режим доступа: <http://pokrov-fond-info.ru/content/zhiteli-monmartra-protiv-izbytochnogo-turizma>.

11. Даниленко, Ю. Ю. Историческое прошлое как гиперреальность в современной массовой культуре (рецензия на коллективную монографию: Культ-товары. Коммерциализация истории в массовой культуре. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2020. 348 с.) // Филологический класс. – 2021. – Том 26 · №3. – С. 288–293. DOI 10.51762/1FK-2021-26-03-26.

Проценко Александр Валерьевич, к. полит. н., доц., ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

E-mail: akstazatu@mail.ru

Protsenko A.V.

THE PHENOMENON OF "HISTOTAINMENT" IN THE CONTEXT OF PUBLIC CONSCIOUSNESS: RISKS AND PROSPECTS

The article examines the phenomenon of "histotainment" as a synthesis of historical knowledge and entertainment media formats. It analyzes its genesis, which is rooted in the phenomenon of "infotainment," and its key characteristics: focus on a mass audience, use of transmedia narratives, and emotional engagement. The article identifies the main risks associated with this phenomenon, such as the vulgarization of history, the manipulation of historical memory, and its commercialization. At the same time, it highlights the significant educational potential of "histotainment," which can increase audience engagement in the study of the past. The article concludes that this phenomenon is a dialectical combination of challenges and opportunities for modern historical culture.

Key words: *histotainment, public history, historical consciousness, historical memory, infotainment, commercialization of history, historical education*

Protsenko Alexander Valerjevich, *Candidate of Political Sciences, Assoc., Russia, Lugansk People's Republic, Lugansk, Lugansk State University named after V. Dahl*

E-mail: *akstazatu@mail.ru*

Статья поступила в редакцию 19.09.2025

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

Сборник научных трудов

№ 3(3) 2025

Ответственный за выпуск *Мазур О. Г.*

Тех. редактор *Коломиец-Кириллова Е. А.*

Оригинал-макет *Гриниченко А. Е.*

Подписано к печати 25.12.2025
Формат 60 x 84 /16. Бумага офс. Гарнитура Times.
Печать офсетная. Услов. печ. л. 7,3.
Тираж 100 экз. Изд. № 01557 . Цена договорная.

**Издательство
Луганского государственного университета
имени Владимира Даля**

Адрес издательства: 291034, г. Луганск, кв. Молодежный, 20а
e-mail: izdat.lguv.dal@gmail.com